

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт гуманитарных исследований
Центр теории и истории культуры
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (IAS)
Отделение гуманитарных наук Русской секции
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Центр тезаурологических исследований

ТЕЗАУРУСНЫЙ АНАЛИЗ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сборник научных трудов

Выпуск 8

**Под общей редакцией
профессора Вл. А. Лукова**

**Москва
2006**

*Печатается по решению
Института гуманитарных исследований
Московского гуманитарного университета*

Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов.
Вып. 8 / Под общ. ред. Вл. А. Лукова. — М.: Изд-во Моск. гуманит.
ун-та, 2006. — 74 с.

В сборнике помещены работы, в которых представлены теоретические аспекты тезаурусного научного подхода и результаты его практического применения к различным областям гуманитарного знания (теория и история культуры, литературоведение, социология).

*Ответственный редактор
заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор Вл. А. Луков*

© Авторы статей, 2006.
© МосГУ, 2006.

Вал. А. Луков
Вл. А. Луков
Н. В. Захаров

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ КАК КОНЦЕПТА И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В данной статье под ценностными ориентациями понимается существенная сторона тезауруса, а именно: направленность субъекта (личности, группы, сообщества) на цели, осознаваемые им позитивно значимыми (благими, правильными, высокими и т. п.) в соответствии с принятыми в обществе (сообществе) образцами и имеющимся жизненным опытом и индивидуальными предпочтениями. Такая направленность представляет собой совокупность устойчивых мотивов, лежащих в основе ориентации субъекта в социальной среде и его оценок ситуаций. Она может осознаваться в разной степени, выражаться в фактах поведения, веры, знания и иметь форму стереотипа, суждения, проекта (программы), идеала, мировоззрения. При этом из направленности на признаваемые позитивными жизненные цели не следует автоматически активных действий субъекта по их достижению в реальной действительности.

Исследование ценностных ориентаций в России велось с середины 1960-х годов, когда появились теоретические работы психолога Б. Г. Ананьева, социологов А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова и др., а также эмпирические исследования, крупнейшим из которых стало социологическое и социально-психологическое исследование ценностных ориентаций рабочих (в том числе и молодых), выполненное ленинградскими учеными под руководством В. А. Ядова в начале 1970-х годов¹. В советское время изучение ценностных ориентаций молодежи в значительной мере было направлено на выявление их соответствия коммунистическому идеа-

¹ Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 22, 57.

лу, социалистическому образу жизни². В период перестройки (1985–1991 гг.) поле проблем заметно расширилось за счет исследований неформальных молодежных объединений (фактически это был путь к переходу к изучению молодежных субкультур). Наконец в последние 15 лет ценностные ориентации российской молодежи стали исследоваться немалым числом отдельных ученых и научных коллективов. Ситуация смены общественного строя и «переоценки ценностей» в масштабе целой страны подтолкнула ученых к осмыслению трансформаций ценностных ориентаций россиян. Большое научное значение имеет крупное исследование динамики ценностных ориентаций россиян, проведенное под руководством Н. И. Лапина³. В последние 15 лет в России проведены десятки эмпирических исследований, защищены несколько сотен диссертаций по проблемам ценностных ориентаций молодежи⁴. Правда, нередко масштабы таких исследований, их методическая корректность и возможности сопоставления данных остаются предметом критики.

Мы рассмотрим тенденции изменений в ценностных ориентациях студенческой молодежи, которые зафиксированы на эмпирическом уровне. Однако для начала установим, в чем теоретический смысл исследования ценностных ориентаций, в чем суть ценностного аспекта молодежных исследований.

Ценности: проблемы теории

Напомним, что в понятийный словарь гуманитарных наук термин «ценность» был введен Рудольфом Лотце, для которого ценность существует лишь в ее значимости для субъекта и в то же время объективна, обладая общезначимостью для индивидов. Как указывал Г. Риккерт, «Лотце хотел не только “исчислять” мир, но

² См.: Шендрик А. И. Духовная культура советской молодежи: сущность, состояние, пути развития. М.: Мол. гвардия, 1990.

³ См.: Лапин Н. И., Беляева Л. А. (отв. ред.) Динамика ценностей населения реформируемой России М.: Эдиториал УРСС, 1996.

⁴ Сведения о них содержатся в работе: Журавлева Н. А. Указ. соч. С. 258–315.

также и “понимать” его»⁵, иначе говоря, новая категория увязывалась в философии с проблемой понимания. Уже Лотце отметил двойственность ценности, ее субъективно-объективную природу. В последующих трактовках этой категории подчеркивалась то субъективность ценности, то ее объективность. Объективистская трактовка ценности воплотилась в диспозициональной концепции личности Гордона Олпорта, в 1930–1960-е годы разработавшего «тест изучения ценностей». В российской социологии диспозиционную концепцию личности предложил В. А. Ядов, и она принята многими исследователями.

На современных российских исследователей ценностей и ценностных ориентаций немалую роль оказали работы О. Г. Дробницкого⁶, в последнее время заметны следы подходов, принятых в свое время классиками Чикагской социологической школы⁷. В ходе исследования ценностей как теоретической проблемы ученые разных стран, представители различных научных школ высказали немало оригинальных идей, позволяющих говорить о достаточно высоком уровне ее разработки. Развитие теории ценностей ожидается в направлении уточнений, которые вносит в нее сама жизнь, а именно ситуация переходного периода и рождения нового типа цивилизации — информационной, и в направлении применения к исследованию новых научных методов, формирующихся в последнее время. В ряде случаев необходимо заново пройти путь самых общих рассуждений, чтобы определиться с исходными позициями эмпирического исследования.

Специфика гуманитарного знания⁸, предполагает, что используемая в нем терминология подчиняется по ряду параметров другим правилам в сравнении с терминологией так называемых точных наук. Здесь возможна многозначность терминов и, более

⁵ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 336.

⁶ См.: Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов: Проблема ценности и марксистская философия. М.: Политиздат, 1967; Он же. Ценность // Философская энциклопедия. М.: Сов. Энциклопедия, 1970. Т. 5.

⁷ См.: Thomas W. I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Boston: Richard G. Badger, 1918. Vol. I.

⁸ См.: Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке / Под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006.

того, историческая изменчивость их содержания, поэтому оказывается существенной история их возникновения и понимания разными научными школами. В сущности, в большинстве случаев в гуманитарном знании ученый имеет дело вовсе не с терминами, а с *концептами*, то есть со словами, в которых помимо некоего содержания присутствует еще и возникающий в сознании образ, который, в свою очередь, вызывает ту или иную эмоциональную реакцию. Концепты, в отличие от терминов, трудно перевести на другой язык, они несут отпечатки истории языка и культуры, что приводит к сложностям в понимании гуманитарных концепций, созданных в разных странах: одни и те же концепты в них редко бывают абсолютно идентичными.

Именно таким концептом оказывается понятие «ценность». Оно в русском языке восходит к прилагательному «ценный», которое образовано от существительного «цена». Этимология этого общеславянского слова раскрывается в сравнении с авестийским *kaēnā* — «месть», первоначально оно значило «возмездие, воздаяние» (ср. глагол «каяться»), затем «штраф», наконец — «стоимость чего-либо»⁹. Если обратиться к словарю В. И. Даля, фиксирующему употребление слова «цена» и производных от него в XIX веке, становится ясно, что слово «ценность» в то время еще не занимает заметного места в русском языке, определяется «как свойство по прилагательному»¹⁰.

В новых европейских языках два значения ценности — как стоимости и как значимости — обычно разведены. Так, во французском языке есть слово *prix* — цена, ценность (в значении стоимости) и есть слово *valeur*, впервые зафиксированное в текстах 1080 г.¹¹, очевидно, от лат. *valeo* — быть здоровым, сильным, могущественным, которое и используется в научных текстах в значении «ценность». В английском — сходно: *price* и *value* (*valuables*), в немецком — *Kostbarkeit* (предмет) и *Wert* (понятие). Хотя английское *val-*

⁹ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Учпедгиз, 1961. С. 366.

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ГИИНС, 1955. Т. 4. С. 578. (В соответствии со 2-м изд., 1882).

¹¹ Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française (Le Petit Robert). P. : SNL, 1967. P. 1873.

ие и немецкое Wert могут сопрягаться со значением «стоимость», но обычно не в прямом, а в переносном смысле. И все же вряд ли тезис Фридриха Ницше о «переоценке ценностей» означает то же самое, что такой же лозунг означал у Диогена. А тот же лозунг, произнесенный на русском языке и воспринятый русским культурным тезаурусом (упорядоченной совокупностью социокультурных ориентаций), означает нечто третье. Подчеркнем, что даже самые подробные разъяснения их значений в первоисточниках не могут отменить того факта, что «ценность» — не термин, а концепт, так что на эмоциональном, почти не осознаваемом уровне представитель русской культуры вкладывает в это слово некий дополнительный смысл, определяемый историей его бытования в российской среде.

И сегодня оно по-прежнему тесно связано с понятием цены, платы. Насыщение его инородным, пришедшим из западной философии содержанием происходит без опоры на собственную научную традицию его истолкования, которая начала складываться совсем недавно, поэтому в концепциях отечественных ученых-гуманитариев оно легко воспринимает смыслы, которые предлагают различные западные научные школы.

Тем не менее, можно выделить некий общий смысл, который соединяет исходное понимание ценности в русской культуре, насчитывающее много веков, и в какой-то мере его научные интерпретации, появившиеся в последние десятилетия: ценность — это все то, что дороже денег. Если это вещь, то за нее не жалко отдать запрашиваемые деньги. Если это люди (родители, родственники, друзья, любимые, герои, кумиры и т. д.) или понятия (Родина, свобода, дружба, любовь, молодость, здоровье, искусство, наука и т. д.), то и в этом случае они относятся к ценностям, если воспринимаются как бесценные, то есть более значимые, чем любые деньги. Наконец, если сами деньги воспринимаются как ценность, они тоже становятся бесценными — утрачивают количественную сторону.

Эти аспекты мы учтем при обобщении данных, полученных в эмпирических исследованиях.

Российская молодежь в зеркале ее ценностных ориентаций

Многие социологические опросы последних 15 лет в своих выводах фиксируют общий ценностно-нормативный кризис у российской молодежи, который имеет характер переоценки культурных, этических и духовных ценностей предшествующих поколений. Полученные данные нередко трактуются как нарушение преемственности и передачи социокультурного опыта от старшего поколения к последующему¹². В этих выводах нашло отражение безвременье первых лет после распада СССР. В молодежной политике этого времени также заметно движение от жесткого регулирования к поддержке свободного самоопределения молодого человека, а в конечном счете — его опоры на собственные силы. Молодежь и молодежная политика оказались на периферии государственных интересов. Россия «ельцинского» периода была попросту не готова к борьбе со множеством новых для нее экономических, политических и социальных вызовов, и молодежь оказалась предоставленной сама себе.

В этот период резко падает в молодежной среде значение интегральных ценностей, дававших ориентиры в советское время. Приведем пример. Согласно данным исследования по политической культуре молодежи, проведенного в 1984 г. под руководством Е. Е. Леванова и А. И. Шендрика, от 60 до 84% молодых людей (по различным категориям молодежи) считали, что марксизм-ленинизм является единственным учением, в котором верно отражаются закономерности развития природы, общества и человека. Наибольшая доля так считающих отмечалась в группах опрошенных студентов вузов, творческой интеллигенции и молодых инженеров. Спустя пять лет в исследовании, данные которого приводит А. И. Шендрик, лишь 29% опрошенных молодых людей считали так же, 36% были с этим отчасти согласны, а 26% были убеждены,

¹² Карпухин О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения [<http://studlib.ru/article/a-84.html>]. [2006].

что это ошибочное утверждение¹³. Такие резкие и быстрые перемены в ориентировочных комплексах лишь частично отражают перемену в структуре ценностей (которая имела место в масштабах всего российского общества). В действительности исследования начала 1990-х годов отражают главным образом смену ценностных маркеров, другими словами — концептов, соотносимых с социальной нормой. В то же время базовые ценности передавались из поколения в поколение в достаточно устойчивых конфигурациях.

Исследования, в том числе и наши, показали, что при крайне малой доле тех молодых людей, которые позитивно оценивают коммунизм (эта доля отмечалась на уровне 2–5%), доля тех, кто согласен в позициями, атрибутивными для коммунизма (равенство в сфере распределения и потребления, следование принципу «от каждого по способностям — каждому по потребностям» и т. п.), гораздо больше, в некоторых случаях в десятки раз. Приведем в качестве примера данные общероссийского опроса Всероссийского центра исследований общественного мнения (ноябрь 1997 г.). Среди идей, которые, по мнению респондентов, смогли бы объединить российское общество, только 1,3% опрошенных назвали коммунизм (среди респондентов в возрасте до 29 лет — 0,9%). В то же время такой идеей 14,0% опрошенных (12,7% в молодежной группе) признали «равенство и справедливость», что в действительности следовало бы трактовать как прокоммунистическую ориентацию (Информация: результаты опросов, 1998). Из этого следует, что реакция на дискредитированный к тому времени в российском обществе маркер, выраженный словом «коммунизм», может не отражать ожиданий молодежи от общества и, следовательно, реальных ценностных ориентаций.

В исследованиях ценностных ориентаций молодежи важны те косвенные обстоятельства, которые отмечаются в прожективных вопросах. Значимый результат дают ответы на вопрос об ожиданиях от будущего. Эмпирические исследования показали, что большинство опрошенных надеются на избранную ими профессию, но считают, что в основном при выборе работы будут руководствоваться прагматическим подходом. Таковы, в частности, данные исследо-

¹³ Шендрик А. И. Указ. соч. С. 255.

ваний, проведенных под руководством Б. А. Ручкина: 59,9% из числа 17-летних, 65,3% из числа 24-летних и 64,4% — 31-летних молодых россиян признали, что «большая зарплата» была решающим мотивом при выборе места работы. Тем не менее, найти работу самостоятельно надеялась только половина опрошенных (50,5%). Для большей уверенности в успешном трудоустройстве 51,4% — молодых людей стремились получить высшее образование, 30,4% — овладеть иностранным языком, 29,5% — компьютером, 27,7% — приобрести навыки работы в условиях рыночной экономики, 14,6% — получить правовую подготовку. Каждый четвертый из опрошенных молодых людей планировал после получения специальности организовать свое дело. Самыми престижными профессиями молодежь уверенно называла специализации менеджера и предпринимателя (16,6% и 27,7% соответственно), тем не менее, это не помешало 4,3% молодых людей включить в этот список бандитизм и рэкет¹⁴.

Косвенные данные о ценностных ориентациях молодежи в конечном итоге точнее показывают действительные предпочтения молодых людей, чем прямые вопросы о ценностях. Это, в частности, связано со свойствами изучаемой социальной группы, какую составляет молодежь. Если мы говорим о «переоценке ценностей», то это скорее позиция зрелых людей, имеющих определенный жизненный опыт, достаточно долго подвергавшихся социализационным воздействиям. Для молодежи характерно *становление* ценностно-нормативной системы, что означает действие иных механизмов, нежели в ситуации переоценки ценностей. В этом случае применяемые в российской социологии сопоставления ценностных шкал разных возрастных групп (включая молодежь) дают информацию о разнообразии ценностей, разделяемых в российском обществе, но не вполне адекватно фиксируют ценностный мир и стратегические предпочтения молодежи как таковой.

Мы в своих исследованиях студенческой молодежи фиксируем ценностные ориентации по ряду косвенных показателей, исходя из того, что студенчество находится в активной стадии вторичной со-

¹⁴ Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 93.

циализации. Социализация представляет собой, по определению А. И. Ковалевой, «процесс становления и развития личности, состоящий в освоении индивидом в течение всей его жизни социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющий индивиду функционировать в данном обществе»¹⁵ (Kovaleva 2003. P. 445). Это двусторонний процесс. Одна сторона его состоит в том, что общество постоянно в разных формах, разными способами и с разным эффектом задает личности ориентиры социально приемлемого поведения и мышления. Другая сторона процесса социализации — освоение индивидом этих организующих и ориентирующих его импульсов, идущих от общества. Итог социализации — это результирующая многих разнонаправленных воздействий. Но в период студенчества можно говорить лишь о некотором уровне социализации, достигнутом к этому времени, который подвергается изменению уже в силу того, что любая образовательная система непосредственно выступает в качестве института социализации. Кроме этого, в студенческие годы на личность начинает оказывать все большее влияние макросоциальная среда: она начинает осознаваться как существенная, как источник ориентаций и регулятор выбора жизненных позиций. Следовательно, и ценностные ориентации, во-первых, во многом будут отражать принятые в обществе жизненные ориентиры, и, во-вторых, зависеть от актуальной ситуации и меняться, иногда значительно. В то же время ценностные ориентации достаточно автономны и могут передаваться от поколения к поколению не только и даже не столько в порядке прямого наследования (через семью), но и через сетевую коммуникацию в многообразных социальных общностях¹⁶.

Это, в частности, подтверждает мониторинговое исследование «Российский вуз глазами студентов» (научный руководитель проекта проф. И. М. Ильинский, руководитель IV–VI этапов проф.

¹⁵ Ковалева А. И. Социализация // Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 445.

¹⁶ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 93–100; Луков Вал. А. Воспитание как ответ на вызовы глобализации // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 106–109.

Вал. А. Луков), которое ведется Московским гуманитарным университетом с 2000 г. и ставит своей целью выявить важные характеристики нового для России типа образовательных учреждений — негосударственных вузов. В ходе исследования важно было установить, каковы проблемы этой новой подсистемы высшего образования, чего ей удастся добиться, где ее нереализованные ресурсы и в чем состоят перспективы ее развития. В рамках мониторинга сопоставляются две группы вузов — государственных и негосударственных, причем в обеих группах были представлены лучшие вузы Москвы, а на последних этапах — и более десяти других городов России.

В итоге удалось показать, что при всем различии состава студентов государственных и негосударственных вузов их отношение к учебе, удовлетворенность студенческой жизнью, включенность в жизнь вуза, уровень материальной обеспеченности, представление о перспективах и жизненных планах и главное: базовые ценности — имеют *сходную конфигурацию*. Эта конфигурация определяется особенностями социально-экономического положения, социокультурными процессами, общественными настроениями в стране.

Из исследования, которое не было специально посвящено анализу ценностных ориентаций студенчества, мы получили важный материал. Наиболее существенны индикаторы, сформулированные в виде шкалы ответов на вопрос «Что для Вас означает хорошо жить?». В исследовании, проведенном в 2006 г. (N=3262), ответы студентов распределились следующим образом (см. табл. 1; сумма процентных показателей превышает 100%, поскольку была возможность выбирать несколько ответов).

Таблица 1

Распределение ответов студентов на вопрос: «Что для Вас означает хорошо жить?» (в %)

	Москва			Регионы	
	Вся вы- борка	Государст- венные ву- зы	Негосу- дарст- венные ву- зы	Государст- венные ву- зы	Негосу- дарст- венные ву- зы
быть материально обеспеченным	81,2	72,6	81,2	82,3	84,3
иметь хорошую работу	70,9	64,5	65,8	70,4	78,0
иметь хорошую семью	73,2	68,4	70,4	76,8	73,6
совсем не работать	2,2	1,7	5,3	1,3	1,5
иметь власть, занимать высокое положение в обществе	17,1	11,5	19,1	16,0	20,0
любить и быть любимым	64,7	65,0	62,7	70,1	60,1
быть здоровым	71,7	60,9	68,7	75,5	75,1
жить не для себя, а для людей	4,1	6,6	4,4	3,5	3,2
иметь хорошее образование	23,6	22,3	18,9	19,6	31,5
чувствовать себя защищенным, в безопасности	22,9	24,4	23,0	24,1	20,7
быть независимым, свободным	38,8	40,3	37,5	41,4	35,9

Достижение *материальной обеспеченности* – наиболее распространенная в студенческой среде ценностная ориентация. Тем не менее, она не исчерпывает представления о «хорошей жизни», в отношении которой высока значимость ценностей «хорошей семьи» (73% по всей выборке), «хорошей работы» (71%), здоровья (71%), любви (65%). Эти компоненты, по сути, и формируют сегодняшнее понимание счастья у молодежи, рисуют картину ожидаемого качества жизни в будущем.

У студентов региональных вузов больший уклон в ответах отмечается в духовную сторону их жизнедеятельности (семья, здо-

ровье, любовь). При этом обе группы оценивают как менее значимый фактор наличие власти, хотя, казалось бы, образ богатого начальника, особенно в региональном понимании, все еще идентифицируется в массовом сознании со стабильностью и достатком. Обе группы стремятся к свободе и независимости, к безопасности и защищенности. Что касается альтруистических убеждений – жить не для себя, а для людей – то они хоть и присутствуют, но у совсем незначительной части студентов.

В отношении ценностей труда и образования некоторую картину рисуют данные, представленные в таблицах 2 и 3.

Таблица 2

Распределение ответов студентов на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли сегодня достичь высокого положения в обществе благодаря честному, добросовестному труду?» (в %)

	Вся выборка	Москва	Регионы
да	46,3	40,7	51,1
нет	19,5	24,8	17,5
трудно сказать	34,2	34,5	31,4

Таблица 3

Распределение ответов студентов на вопрос: «Является ли сегодня высшее образование гарантией жизненного успеха» (в %)

	<i>Вся выборка</i>	Москва	Регионы
да	24,4	21,9	26,4
нет	47,0	50,8	44,3
трудно сказать	28,6	27,3	29,3

И в этом случае нас интересует не столько название ценностей и их иерархия, сколько постановка ценностей в контекст современной российской действительности. В конечном счете, это и

есть путь к более точному отражению ценностных ориентаций. Подобным образом мы рассматриваем и проблему патриотических ценностей, избегая маркер «патриотизм» и выявляя проблемную ситуацию при сопоставлении ответов на два вопроса: «Гордитесь ли Вы своей страной?» и «Если бы Вам предложили выгодный контракт, который предполагает выезд за границу на постоянное место жительства, Вы бы согласились?». По сути, наличие достаточно большой доли положительных ответов и на первый, и на второй вопрос означает наличие определенного конфликта ценностных ориентаций (см. табл. 4 и 5). Поставленные в контексты ситуации в столице и регионах и перспектив реализации полученного образования, эти ответы можно считать индикаторами патриотических настроений в среде российского студенчества.

Таблица 4

Распределение ответов студентов на вопрос: «Гордитесь ли Вы своей страной?», в %

	Москва			Регионы	
	Вся вы- борка	Государст- венные ву- зы	Негосу- дарст- венные вузы	Госу- дарст- венные вузы	Негосу- дарст- венные вузы
да	65,0	59,7	57,5	68,4	68,8
нет	10,3	13,5	13,9	7,6	9,3
затрудняюсь отве- тить	24,7	26,8	28,6	24,0	21,9

Таблица 5

Распределение ответов студентов на вопрос: «Если бы Вам предложили выгодный контракт, который предполагает выезд за границу на постоянное место жительства, Вы бы согласились?», в %

	Вся вы- борка	Москва		Регионы	
		Государст- венные ву- зы	Негосу- дарст- венные вузы	Государст- венные ву- зы	Негосу- дарст- венные вузы
да	47,0	41,2	44,6	49,6	48,8
нет	20,5	23,4	19,8	19,1	20,7
не знаю	32,5	35,4	35,6	31,3	30,5

Представленные фрагменты исследования показывают, что студенты четырех групп вузов примерно в одинаковых пропорциях разделяются при выражении своих мнений, оценок, позиций, уровня политической активности и т. д. Еще раз подтверждается, что обобщающее слово «студенчество» точно отражает действительность. В самом деле, исследованные 28 вузов России очень не похожи друг на друга. Но в студенческой среде устойчиво проявляется тенденция: хотя представлены разные, иногда диаметрально противоположные позиции, но в том, что касается ценностных ориентаций и социальных норм, распределение ответов различается главным образом по гендерному и возрастному основаниям, по характеру выбранной профессии, в некоторых случаях зависят от территориальной специфики (почему и введено у нас различие Москвы и регионов) и почти не связаны с правовым статусом вуза. Для российской образовательной системы это важно: до сих пор существует общественное предубеждение в отношении негосударственных вузов как образовательных институтов.

Студенчество московских и региональных вузов если и имеют различия в ценностных ориентациях, то совсем не в таких масштабах, чтобы говорить о пропасти, разделяющей столицу и провинцию. Для студенчества регионов больше свойственны патристические устремления, намерение после окончания вуза работать

по специальности, ожидание гарантированного вузом трудоустройства, несколько больший уровень оптимизма во взглядах на будущее и др. Но эти отличия, как правило, незначительны.

Исследования российской молодежи, проведенные в последнее десятилетие, показывают, что в новых условиях не произошло полного отторжения молодого поколения от российских культурно-исторических ценностей предшествующих поколений. Более того, можно предположить, что в условиях глобализации и власти СМИ, отражающих доминирующее положение американской культуры в современном мире и, безусловно, сказывающихся на российской молодежи, система ценностей в тезаурусах молодых россиян должна приобретать все более автономный характер, в такой форме выражающей стремление и возможность русского народа отстаивать свою самоидентичность.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

Суть проблемы соотношения культуры и времени состоит во влиянии культурных изменений на изменение социального времени и обратно – изменений общества на время в культуре. История культуры «расположена» не только в пространстве, но и во времени. До сих пор это время протекало линейно, позволяя экстраполировать будущее из настоящего. Будущее казалось ясным из настоящего. Прошлое чаще всего рассматривалось как уже ушедшее. Христианское восприятие будущего как направленного в вечность секуляризировалось в простую схему предвидимого будущего. Сегодня происходит дальнейшее изменение социального времени: его протяженность, долгосрочность заменяется быстрой акселерацией, краткосрочностью, неодновременностью развития при одновременности событий в становящемся глобальным мире.

Как отмечает А. И. Фурсов, «физические, исторические объекты, системы отношений развиваются из прошлого в будущее. Однако культурно-историческое, социокультурное направление развития, направление исторического, а не “физического” (“физикалистского”) времени зависит от историко-культурной интерпретации его нахождения в момент старта, в момент социокультурного “Большого взрыва”»¹.

Таковыми точками, по его мнению, было время Христа, сворачивающего христианскую хронолинейку в рулон, ведущий к вечности. Время прогресса XVII века, секуляризирующего эту хронолинейку до отношений «настоящее — будущее» с обрывом прошлого. Это — западное время прогресса и время тех стран, которые последовали за Западом в своем развитии.

Сегодняшняя точка «Большого взрыва» — глобализация, когда капитализм распространился по всему миру, и Запад перестает быть образцом развития. Это по-прежнему время неравномерного развития, но жесткой взаимосвязи и взаимозависимости мира, время нелинейное именно из-за того, что значимость культурного фактора вырастает и вытесняет социальный аспект.

¹ Фурсов А. И. Операция «Прогресс» // Космополис. 2003–2004. № 4. С. 19.

Сегодня много говорится о конце трансцендентного (Ю. Хабермас), о конце социального (Ж. Бодрийар), конце истории (линейного времени), конце политического, но никто еще не сказал о конце культурного.

Время предстает как культурная универсалия, категория культуры. Как отмечает В.С. Степин, «если в культуре не сложилась категориальная система, соответствующая новому типу объектов, то последние будут восприниматься через неадекватную сетку категорий, что не позволит науке раскрыть их существенные характеристики»². Степин показывает, что культура задает надбиологические программы человеческой жизнедеятельности. «Основания культуры определяют тип общества на каждой конкретной стадии его исторического развития, они составляют мировоззрение соответствующей исторической эпохи»³. Категории культуры или мировоззренческие универсалии включают в себя понятия о пространстве, времени, движении, вещи и др. В каждой культуре складывается специфический строй сознания, где эти и другие универсалии обретают как общий, так и специфический вид.

На тот факт, что именно культура производит универсалию времени, указывают не только философы, но и историки, социологи, экономисты и поэты. На это обращают внимание историк И. М. Савельева и экономист А. В. Полетаев в совместной книге «История и время»⁴. Их книга по существу является огромным справочником интерпретации времени в истории философии и науки. Они цитируют совместную статью выдающихся социологов П. Сорокина и Р. Мертона, в которой выделены два вида времени — астрономическое (календарное время) и социокультурное время, заключающее в себе социокультурный смысл. П. Сорокин увидел в социокультурном времени следующие черты: оно измеряет одни социокультурные явления другими; оно неравномерно в рамках каждой социальной группы и различных групп; оно не является

² Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 263.

³ Там же. С. 269.

⁴ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. М., 1997.

бесконечно делимым; оно имеет качественный характер; его течение преобразует общество⁵.

У поэта Иосифа Бродского отсутствие смыслов становится небытием, отсутствием времени, которое рождается в культуре и в ней наполняется смыслами. Память соединяет с прежними смыслами. В его поэзии сходятся люди. «Поэт синхронизировал их движения, тем самым сообщая нам, что силы, управляющие конечным и бесконечным, сами управляются с какого-то — ну, назовем его, пультом... Следующий наш вопрос будет “кто?” (кто управляет? — *Т.К.*)...у Бродского: “греки, конечно, знали ответ: “Хронос”⁶. Но, — считает автор статьи, — бог Бродского — не Хронос, а Культура и как поэта «Язык».

Сегодня происходят социокультурные изменения по многим азимутам. Глобализация, объединяя мир экономически и информационно, утверждая единые формы культуры и жизни: образование, спорт, СМИ, моду, туризм, тем не менее, сталкивается с сопротивлением локальных культур унификации ценностей. Исламское сопротивление глобализации приобрело системный характер, противопоставляющий глобализации на западных основаниях свой вариант глобализации на основе исламских ценностей. Наибольшее глобальное распространение получает массовая культура. Весь мир находится в состоянии трансформации, итог которых не волне определен. Запад движется к постиндустриальному обществу, Азия — к индустриальному, посткоммунистический мир до конца не определил цели своего развития. На пути всех этих изменений лежит множество новых проблем. Известный социолог И. Валлерстайн характеризует эту ситуацию как «конец знакомого мира»⁷.

Изменения настолько велики, что сегодня начинают казаться неправильными многие прежние выдающиеся объяснения, в частности теория капитализма К. Макса и М. Вебера, теории модернизации, психологические теории и др.

⁵ Там же. С. 493.

⁶ Журавлева З. Е. Иосиф Бродский и время // Синергетическая парадигма. М., 2002. С.479–495.

⁷ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2004.

Это происходит в ситуации ценностных сдвигов, которые тоже не до конца оформлены, спутаны, иногда доходят до состояния аномии. В результате долговременность планов, предвидений, ожиданий уступает место краткосрочности, сиюминутности.

Наблюдается «большая вариация временного горизонта социально ожидаемой длительности... фундаментальная эволюция темпоральности...»⁸. Цитируемый автор подчеркивает, что изменение времени – продукт ценностных изменений, утраты смысла, тоски и потери целей. Будущее, по его мнению, теряет открытость, перестает быть оплотом возможностей и становится складом рисков и неопределенностей. Теряет релевантность концепция прогресса. Время настолько быстро изменяется и проекты настолько краткосрочны, что появляется контркультура медленных изменений. В результате усиливаются противоречия медленного – ускоренного, одновременного – разновременного, равномерного и неравномерного, акселерации и стагнации, ускорения и замедления, инновации и традиции. Отрицается любой результат, кроме успеха. Гибнет старая трудовая этика, основанная на идеале самодисциплины и долговечности. Отвергаются традиции, связывающие культуру посредством памяти с прошлым и создающие возможности трансляции культуры.

Но все же остается шанс на удержание культурных ценностей и смыслов, программ человеческой деятельности и отношений, т. е. культура и общество изменяются медленнее, чем техника и экономика. Кроме того, отмеченные противоречия времени становятся такими, в которых надо жить, а потому, как отмечает Броуз, к ним надо изменить отношение, пытаясь найти если не компромисс между ними, то синергию (совокупную энергию, взаимность). Именно культуре принадлежат функции осуществления этого процесса за счет своих способностей к медленному изменению и наследованию предшествующих культур. «Перевод развития на краткосрочность, акселерацию и мимолетность именно в культуре вызывает замешательство и затруднения. Именно в культуре имеются примеры социокультурной эволюции, которые связывают вместе уско-

⁸ Brose H.-G. An Introduction towards a Culture of Non-Simultaneity? // Time and Society. L., 2004. Vol. 13, № 1 (2004). P. 5.

рение развития с адаптивностью и склонностью культуры к утверждаемой традицией долговременности... Даже в краткосрочных проектах есть сопротивление краткосрочности. Они могут стать быстрыми прототипами медленного»⁹. Кроме того, — отмечает этот исследователь, — краткосрочные культурные системы могут быть восприняты как укорененные в сегодняшнем дне в отличие от тех, которые укоренены в прошлом и ориентированы на долговременность как горизонт. Социальнокультурное восприятие времени может быть понято как перспектива наблюдения за изменениями в обществе. Изменения времени таковы, что понятия о нем, такие, как «момент», «событие», «изменение» и даже «долговременность» отличаются от «времени вечности», «старого против нового», «прежде и теперь»¹⁰. Сама культура осуществляет «менеджмент разрыва с культурой»¹¹.

Синергия противоречий времени сегодня раскрывается Валлерстайном в упомянутой работе. Он прибегает к парадоксу: «Изменения бесконечны. Ничего не меняется», смысл которого состоит в утверждении, что история уже знала радикальные изменения, ускорение времени. Ни одно из утверждений приведенного парадокса не является истинным. Нельзя дважды войти в реку. Существует «стрела времени». В них живут исторические системы, фазами развития которых является генезис, структура и упадок. Гибель возникает тогда, когда историческая система, например, феодализм не может более приспособиться к новым условиям. Колеблясь, система возвращается в равновесное состояние. Это сопровождает ее историю вплоть до гибели. Но что, что мы охарактеризовали как долгосрочные тенденции, — это, по существу. Векторы, выводящие систему из базисного состояния равновесия»¹². Валлерстайн, пытаясь найти синергию противоречий времени и изменения, смягчает прежние утверждения о неизбежности прогресса, говоря о его возможности, побуждает поместить кажущиеся невероятными

⁹ Ibid. P. 11.

¹⁰ Ibid. P. 14.

¹¹ Ibid. P. 22.

¹² Валлерстайн И. Указ. соч. С. 177–178.

изменения сегодняшнего дня в контекст изменений человеческого общества на протяжении его истории.

Такое разделение макро- и микромасштаба истории, макро- и микромасштаба времени, признание возможной гибели делают историю социальных систем подобной истории человека. И потому Валлерстайн пишет: «Сегодня, как и в другие моменты упадка исторических систем, мы стоим перед историческим выбором, на окончательный итог которого может реально повлиять наш личный и коллективный вклад. Однако сегодняшний выбор в одном отношении отличается от предыдущих. Это первый выбор, в который вовлечен весь мир, поскольку историческая система, в которой мы живем впервые охватывает всю планету. Исторический выбор – это моральный выбор, но рациональный анализ...может сделать его осмысленным и, таким образом, определить нашу моральную и интеллектуальную ответственность. Я умеренно оптимистичен, полагая. Что мы с достоинством примем этот вызов»¹³.

Принять его для культуролога – значит не отказаться от поисков смыслов, без которых исчезает время или становится только краткосрочным.

¹³ Там же. С. 182–183.

«ФОРМАЛЬНЫЕ ИСКУССТВА»: ОТ ТРИВИЯ К ИНЖЕНЕРИИ ЗНАНИЙ¹

По традиции, восходящей к античности и закрепленной педагогической практикой средневековья, фундамент классического образования составляли, как известно, семь «свободных искусств» (*artes liberales*). «Формальные искусства» (*artes formales*) — грамматика, риторика и диалектика, или собственно логика — объединялись в тривий, «искусства реальные» (*artes reales*) — арифметика, геометрия, музыка, астрономия — в квадравию. Отдавая должное математическому квадравию (учениям о числе, протяжении, гармонии и космосе), традиция, ориентированная на идеал воспитания «достойного человека, умеющего говорить» (*vir bonus discendi peritus*), признает безусловный приоритет тривия.

Дисциплины тривия, имеющие своим непосредственным предметом язык, исследуют его как средство аргументации и инструмент выявления онтологических структур. Реализация этих функций диктует ведущую роль логики по отношению к другим «формальным искусствам». Со времен Платона и Аристотеля именно логическое знание полагается теоретическим фундаментом искусства ведения спора и органом философии. Однако в реальной педагогической практике взаимоотношения дисциплин тривия не всегда складываются гармонично, а порой приобретают драматический характер. Одна из таких коллизий дала сюжет для поэмы «Битва семи искусств» Генриха из Андели, написанной на французском языке в XIII веке. Париж, защищая логику, характеризует приверженцев грамматики как «писак» (*autoriaux*) и «буквоедов» (*grammairiaux*), а Орлеан, выступая за грамматику, именует диалектику «кто-как-лектикой» (*quiqueliquique*). В результате двух сражений грамматика побеждена, логика посылает к ней парламен-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Научного фонда ГУ-ВШЭ, грант 06-01-0058.

тера с предложением мира, однако, не зная грамматики, тот не может выполнить свою функцию².

Несмотря на кровопролитные «гражданские войны», дисциплины тривия сохраняют все же фундаментальное внутреннее единство. Не случайно критика какой-либо из них, как правило, распространяется и на другие. Так, Св. Петр Дамиани, радикальный противник применения логических методов в теологии³, обрушивает свой гнев и на грамматику, считая первым преподавателем грамматики самого дьявола, искушавшего Адама и Еву склонением Deus (Бог) во множественном числе. «Пусть, кто хочет, — заключает он, — служит смертоносным буквам, лишь бы только милостью Божьей не покинул нас животворящий дух»⁴. Впрочем, критика логики почти неизбежно перерастает в критику не только тривия, но и квадрия. Чтобы умертвить тысячу филистимлян, замечает Петр Дамиани, Самсону понадобилась не наука, а всего лишь ослиная челюсть. Эта челюсть — символ «святой простоты», угодной Господу. Вероятно, именно дискредитация силлогистики⁵ как фундамента средневековой учености, положила начало новоевропейской традиции осмеяния феномена учености как такового.

«Усталость от силлогистики» находит выражение в таких глобальных проектах создания новой логики, как «Новый Органон» Ф. Бэкона, «Универсальная математика» (*Mathesis Universalis*)

² См.: Жильсон Э. Философия в средние века. М.: Республика, 2004. С. 310–311.

³ «Вообще, то, что исходит их доказательств диалектиков или риториков, — пишет Петр Дамиани в трактате «О божественном всемогуществе», — нельзя так просто распространять на божественные тайны; и не так обстоит дело, чтобы придуманное для использования в качестве доказательств силлогизмов и заключений речи жестко подчиняло себе священные законы и противопоставляло необходимость своих выводов божественной мощи». — Петр Дамиани. О божественном всемогуществе // Ансельм Кентерберийский. Сочинения. М.: Канон, 1995. С. 368.

⁴ Там же.

⁵ Вслед за Леонардо да Винчи, называвшего силлогистику *сомнительной болтовней*, Р. Декарт, критикуя схоластическую логику, замечает, что «формы силлогизмов и почти все другие ее правила, не столько содействуют исследованию того, что нам неизвестно, сколько изложению для других того, что мы уже знаем, или даже, как искусство Луллия, бестолковой и пространной болтовне о том, что нам неизвестно». — Декарт Р. Беседа с Бурманом // Декарт Р. Сочинения. М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 483.

Р. Декарта, «Всеобщая характеристика» (*Characteristica Universalis*) Г. Лейбница. Конец XIX века ознаменован научной революцией — зарождением математической логики. Ее развитие было стимулировано «внешними» потребностями квадривия — необходимостью разработки точных методов анализа оснований дедуктивных наук. Решая проблемы обоснования математического знания, логика разрабатывает метод формализации. Возникает новый тип теорий — формализованные теории, для которых формулируются методологически важные понятия полноты, непротиворечивости, аксиоматизируемости, разрешимости, категоричности. Применение метода формализации в самой логике позволяет точным образом эксплицировать понятия логического следования, логического закона, логической системы. Разработка неклассических логических систем служит формализации правильных способов рассуждений, характерных не только для обыденного познания и классических наук, но и для таких неклассических научных теорий, как конструктивная математика и квантовая физика.

Такой гигантский прогресс в развитии теоретической логики был обусловлен антипсихологизмом ее создателей, их с принципиальным отказом от исследования того, «как мыслит человек». Подобное исследование является, по мнению Г. Фреге, важной, но не логической задачей. Законы логики носят нормативный характер и не могут быть использованы для причинного объяснения психологических фактов. Люди могут мыслить и мыслят, нарушая законы логики. Логические критерии позволяют судить не о психических механизмах процессов мышления, но лишь о корректности их результатов. «Исследовать, как мы действительно мыслим или как должны мыслить, — резко замечает Я. Лукасевич, — не предмет логики. Первая задача принадлежит психологии, вторая относится к области практического искусства, наподобие мнемоники»⁶.

Программный антипсихологизм «отцов» математической логики вызвал ответный антилогицизм психологов и привел, в частности, к вытеснению логических методов из дидактических теорий. Только в последние десятилетия соотношение логики и психологии

⁶ Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959. С. 48.

вновь становится актуальной проблемой как для логиков, так для психологов. Переход от классической к коммуникативной модели рациональности, связанный с осознанием пресуппозициональной нагруженности и рефлексивной контекстуальности любого, в том числе и логического знания, формирует новое понимание целей логики и ее границ. Логическое знание осознается как свойство общества — мощное средство дискурсивизации и рационализации индивидуальных психических состояний, выработки общезначимых процедур оценки корректности рассуждений и аргументативных речевых актов, обоснования принимаемых решений и прогнозирования их результатов.

Особую роль в переоценке дидактической значимости логических методов сыграло развитие инженерии знаний (*knowledge engineering*) — теории обучающихся систем, синтезирующей результаты когнитивной психологии и исследований в области искусственного интеллекта⁷.

Способность приобретать, накапливать и использовать знания — главный признак интеллекта. Поэтому «знание» является центральной категорией всего комплекса когнитивных наук — эпистемологии, психологии, дидактики, когнитивной лингвистики, computer science. Совершенно особое место среди этих наук занимает логика. Задача логики как науки — установление законов, которым подчиняются правильные рассуждения. Но именно рассуждения являются способом существования знания, поскольку знанием должна признаваться не любая, но лишь организованная информация, используемая в рассуждении. Объективно истинная информация может субъективно представлять собой лишь истинное мнение, а не знание. Уже Платон полагал структурированность, «связанность» отличительной чертой знания. «Будучи связанными, — говорит платоновский Сократ Менону, — мнения становятся, во-первых, знаниями и, во-вторых, устойчивыми. Поэтому-то знание ценнее правильного мнения тем, что оно связано»⁸. В диалоге с Теэтетом он прибегает к метафорическому образу голубятни: «По-

⁷ См., напр.: Feigenbaum E. Knowledge Engineering: the Applied Side of Artificial Intelligence. Stanford, 1980.

⁸ Платон. Менон // Платон. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1968. Т. 1. С. 407.

строим в нашей душе нечто вроде голубятни для всевозможных птиц, где одни будут жить стаями отдельно от других, другие же либо небольшими стайками, либо поодиночке, летая среди остальных как придется... Следует считать, что пока мы дети, эта клетка бывает пустой — ведь под птицами я разумею знания, тот же, кто приобрел знание, запирает его в эту ограду, и мы скажем, что он выучил или нашел предмет, к которому относилось это знание, и в этом-то знание и состоит»⁹.

Инженерия знаний распространяет понятия, которые в разработках по искусственному интеллекту относились лишь к компьютерам, на любую обучающуюся систему, в том числе и на человека. Речь идет о таких понятиях, как «база знаний», «представление знаний», «диалоговый режим» и т. п. Под обучением инженерия знаний понимает приобретение и преобразование знаний с целью их применения. Для обоснования и классификации различных методов обучения она использует преимущественно *логический* подход к переработке информации¹⁰.

Предполагается, что обучающаяся система включает базу знаний и механизм логического вывода, использующий эти знания при решении задач. Поскольку форма приобретения знаний непосредственно зависит от этих двух факторов, процесс обучения должен предваряться выявлением информации, имеющейся в базе знаний, и способности системы (компьютера или человека) к логическим выводам.

В самом процессе обучения могут быть выделены следующие уровни:

- Введение новых данных в базу знаний.
- Переработка знаний на основе дедуктивных процедур, то есть выведение логических следствий из имеющихся знаний.
- Пополнение знаний на основе эвристических процедур.
- Систематизация знаний.

⁹ Платон. Теэтет // Платон. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 259.

¹⁰ См., напр.: Логический подход к искусственному интеллекту: от классической логики к логическому программированию / Авт.: Тейз А., Грибомон П., Луи Ж. и др. М.: Мир, 1990; Логический подход к искусственному интеллекту: от модальной логики к логике баз данных / Авт.: Тейз А., Грибомон П., Юлен Г. и др. М.: Мир, 1998.

- Приобретение знаний на метауровне.
- Приобретение знаний в диалоге.

В соответствии с выделенными уровнями обучения должны рассматриваться следующие логические аспекты приобретения знаний:

- Логическое представление знаний.
- Дедуктивные рассуждения.
- Недедуктивные рассуждения.
- Логика теоретического знания.
- Металогика.
- Логика дискурса.

Именно эти разделы составят основное содержание учебного курса логики как науки о представлении, переработке, пополнении, систематизации и модификации знания.

Раздел «Логическое представление знаний» позволит объединить концептуальный аппарат логической семиотики, теории речевых актов, различных теорий категоризации, включая не только традиционную теорию понятия, но и теории фреймов и прототипов.

В разделе «Переработка знаний: дедуктивные рассуждения» должна быть дана характеристика основных приемов дедуктивных рассуждений, принципов и способов их формализации.

Раздел «Пополнение знаний: вероятностные рассуждения» предполагает ознакомление с логическими основами эвристики и позволит рассмотреть, наряду с индукцией и аналогией, другие методы приближенных рассуждений, позволяющие оперировать с неполной и изменяющейся информацией (в частности, немонотонные рассуждения).

Раздел «Систематизация знаний: логика теоретического знания» посвящен логическому анализу таких форм систематизации знаний, как проблема, гипотеза и теория, а также выявлению специфики формализованных логических теорий.

Раздел «Приобретение знаний на метауровне: металогика» предполагает обучение металогическим знаниям, являющимся основой преодоления ситуационной обусловленности навыков корректных рассуждений. Особое внимание стоит уделить металогии-

ческим свойствам формальных систем, методологическому значению метатеорем об ограниченности дедуктивных и выразительных возможностей формализмов.

Раздел «Приобретение знаний в диалоге: логика дискурса» позволит исследовать распределенные (мультиагентные) системы знаний, познакомиться с логическими принципами эристики, приемами рационального убеждения в дискурсах различного типа.

Таким образом, логика, рассматриваемая как дисциплина когнитивного цикла, преодолевает языковую замкнутость тривия. Если результаты классической математической логики релятивизированы относительно выразительных возможностей языка формализации, то современная логика переходит от задачи формализации классов правильных рассуждений в подходящих логических системах к задаче каталогизации самих логических систем, «от логических систем к исчислению логик»¹¹.

Будучи теорией формальных теорий, логика как «формальное искусство» приобретает новую «онтологическую» направленность. Успешное применение логических методов в «онтологической инженерии» (*ontological engineering*)¹² придает логике XXI века статус «формального искусства» конструирования виртуальной реальности информационных объектов.

¹¹ См.: Карпенко А. С. Предмет логики в свете основных тенденций ее развития // Логические исследования. Вып. 11. М.: Наука, 2004. С. 149–172; Bentham J. van. Fifty Years: Change and Constants in Logic // Trends in Logic. 50 Years of Studia Logica. Dordrecht, 2003. P. 35–56.

¹² См.: Рубашкин В. Ш., Лахути Д. Г. Онтология: от натурфилософии к научному мировоззрению и инженерии знаний // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 64–81; Formal Ontology in Information Systems / C. Welty and B. Smith, ed. N. Y., 2001; Драгалина-Черная Е. Г. Формальные онтологии как абстрактные логики // Логические исследования. Вып. 12. М.: Наука, 2005. С. 162–169.

ЗАМЕТКИ О СЛОВЕ И СМЫСЛЕ

Существует ли чистый «смысл в себе»? Или он иначе не мыслится, как только в связи со своим проявлением?

Если нечто обсуждается и при этом называется смыслом, то это скорее всего означает, что нечто постепенно открывается познающему вниманию.

Если же последовательно мыслить бытие смысла как «смысла в себе», усиленно отвлекаясь от всех акциденций его выявления, то необходимо будет прийти к тезису о его самопричинности и автономии, что вызовет необходимость придания смыслу атрибутов предельно сокрытого в себе, но активного бытия, некоей чуть ли не одушевленной энергии, только сигнализирующей о своем существовании, но ответные вопросы в себя не пропускающей.

Но если не идти по только что представившемуся пути, где собственные отражения мысли исследователя могут приобрести не признанные им как свои причудливые очертания, а все же мыслить смысл всегда как смысл чего-либо постижимого, тогда можно утверждать, что быть смыслом означает быть воспринятым в противопоставлении и согласии.

Мышление, наблюдаемое в процессе и действии, воспроизводит законы логики, но та высокая точка зрения, которая достаточно отвлеченна, чтобы не различать отдельные и взаимозависимые логические приемы, а развернуть общую картину мысли, та точка зрения говорит, что в мышлении пребывает сверхчувственная логика — хотя в эмпирике своей оно душевно и чувственно — в нем угадывается некая металогика, некая сила, направляющая мышление от начала к цели.

Быть смыслом, значит быть адресованным, целеустремленным, посланным, со-общенным. Средством сообщения служат знаки и символы, язык. Существует язык форм и красок, язык гармонических звуков, речь.

Смысл есть некое высказывание, реплика в неисчерпаемом общении взаимопроникающих реальностей — взаимопроникаю-

щих ноуменов, приобретающих в этом общении феноменальные свойства и признаки. Смысл есть сама в себе реальность одинаково и неконтурная, неоформленная, клубящаяся и неизведанно глубокая, но и ожидающая, готовая к иному состоянию, динамичная, меняющаяся. Всякая условно отвлеченная умственность постоянно, при прикосновении к ней мысли, устремлена к выявлению, открывается и отвечает познающему сознанию. Предчувствуемое по определению тяготеет к чувственному.

Смысл, будучи высказыванием, выносит на свою поверхность слово; развернутое в дискурс или уплотненно-симультанное. Смысл в динамике стремится к тому, чтобы означать, не отвердевая в знак, символизировать, оставляя под видимым несравнимо большее; он устанавливает связь и при этом, экстравертируясь, облачаясь, он неизбежно что-то утрачивает по отношению к предначертанию, к смутной потенции, но взамен приобретает отнюдь не второстепенное, а именно саму среду жизни, осуществляемой в общении. В общении ноуменальное, по видимости редуцируясь феноменальным, переходит в особое состояние, богатое возможностями; в состояние, непризрачно вмещающее глубину ответной реальности.

Слова приглашают вникать в свой смысл, они есть знаки, зовущие все дальше в глубину. Преподобный Иоанн Дамаскин отличал от внешнего слова внутреннее, но еще кроме произносимого и внутреннего он выделял в качестве важнейшего слово как «естественное движение (и порождение) ума, согласно с которым он движется, и мыслит, и рассуждает; оно есть как бы свет его и сияние».¹ Иначе можно сказать, оно есть его внутреннее, глубокое, но уже выявление. Это слово «звучащее», но не так, как внешнее, и соответственно воспринимаемое иным, внутренним слухом.

Есть слух внешний, есть и внутренний. Внутренний располагается на той глубине личности, которая и в Священном Писании, и в творениях отцов Церкви называется сердцем. Если «огрубело сердце», тогда — как свидетельствует Исайя о своем видении,

¹ Иеромон. Пантелеимон. Антропология по творениям св. Иоанна Дамаскина. В кн.: Святоотеческая христология и антропология. Вып. 1. Пермь, 2002. С. 101.

вдохновившем Пушкина на «Пророка» — «ушами с трудом слышат». А если люди «сердце свое окаменили», — вещает пророк Захария, — тогда им и вовсе «не слышать закона и слов».

Уши слышат и понимают хотя бы в относительных покое и тишине, а глаза различают при свете; если же речь идет о внутренних слухе и зрении, то и свет надо понимать не физический. Апостол Павел, обращаясь к «святым и верным» созданной в Ефесе Церкви, желает, чтобы Бог «просветил очи сердца» молодых христиан, дабы они начинали познавать то, что «не видел... глаз, не слышало ухо», что и нельзя уразуметь только внешним зрением и слухом, но это то «невидимое», «что приготовил Бог любящим Его». Познается это не поверхностно, как подчеркивает далее Апостол, а пронизательно, силой не чувственной, но духовной, проникающей в глубину, сквозь формальные преграды.

«Ты, — обращается священник к Богу в Таинстве Крещения Православной Церкви, — от четырех стихий тварь сочинивый, четырьмя времени круг лета венчал еси». Бог сочинил тварь, в том числе сложнейшую из них — человека, от четырех разнообразно действующих энергий, которые поднимают, вздымают в себе и приводят в стройное сочетание множество органических элементов, чтобы в результате «человек задуманный» являл собою изумительную форму, внешне представляющую неисследимую сложность в нерасторжимом, без ущерба для жизни, единстве. И изумительная видимость является только формой, вмещающей содержание иного порядка, неместимое, не поддающееся формализации. У иеромонаха Василия (Рослякова), Оптинского нового мученика, такие строки:

«Дивно я создан Божественным Словом:

Будто бы соткан из ткани земли

С замысловатым телесным узором,

С тайным до времени светом внутри».²

Сочинить, сочленить, приставить одно к другому, детали, ингредиенты ли, слова. Но так, впрочем, чтобы возникло целое, и чтобы из него уже — как из песни — слова не выкинуть. Каждая стихия, состоя из множества множеств частиц и еще из модусов их

² «Хотим или нет, но величит нас Бог». — М.: Параклит. 2000. С. 109.

действий, этими составляющими и их свойствами соприкасается и сочетается с элементами смежных энергий, взаимовосполняя друг друга и осуществляя замысел Автора. У Божественного Автора «в руках» необозримое — для человека — богатство вещей, состояний и движений. Он, сочиняя, называет их по именам. Между Божиим волением и творением — слово. Оно — граница, ключ, ответ. Указатель в ту или иную даль. В даль принципиального, хотя и необозримого познания того, что во времени и в пространстве, и в даль Божественных таин.

Даже простое, но заинтересованное и долговременное пребывание в каком-нибудь осязаемом явлении, буквально в стихии, начинает обнаруживать в последней такие грани и оттенки, какие и не подозреваются на расстоянии и которые, словно совершается необходимый перевод творения на человеческий вседневный язык, просятся стать словами. У якутов существует множество слов для названия одного и того же, однако очень разного снега. Конголезцам или габонцам, не покидавшим своих краев и не имеющим холодильников с телевизорами, нужно объяснить, что это такое, а жители Северной Африки называют снегом иней — он у них выпадает несколько раз в году, по утрам, и быстро тает.

Познание предполагает внимание познающего, а оно вызвано потребностью внимать, желанием отдавать свои силы, любить. Полезные потребности и красивые, благородные желания воспитываются в человеке, старательно прививаются ему. Познание предполагает внимание, то есть постоянство, верность. Познание, наконец, глубоко связано с верой. По мысли Апостола Павла, «вера... есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». И в этом нет ничего удивительного: вся наша жизнь строится на подобной уверенности — и в быту, и в учении, во всех сферах деятельности, и, однако, здесь речь идет о познании более тонком, чем чувственное и интеллектуальное. Как это ни странно, но многие люди из наблюдательных и информированных даже не желают признавать, что существует некая фундаментальная объективная реальность, не сводимая к какому-нибудь одному из возвышенных человеческих переживаний или призваний, которая до конца ни органам чувств, ни рассудку не дается, но которая не познается и од-

ной верой, если с чувствами и интеллектом не происходит хотя бы отчасти того, что преподобный Исаак Сирий определяет словами: «удаление души от мира и безмолвие ее»³/ В человеке все связано, и самая невещественная часть (впрочем, невычленимая) человеческого существа — дух человека, не сможет преуспеть в усилении познания, если с ним будут разногласить прочие человеческие составляющие. Невещественное способно проникать в невещественное, и чем менее оно отягощено сопутствующей ему плотью и разнообразием впечатлений, тем смелее оно входит в реальность невидимого.

«Чтобы вообще утверждать реальность чего бы то ни было, — пишет А.Ф. Лосев, — нужно иметь соответствующее ощущение этого предмета; а чтобы иметь ощущение, надо иметь орган ощущения. И это, как я уже много раз говорил, есть сфера именно не логики и не диалектики, но *жизни*. Человек ощущает и имеет объект для ощущений — в зависимости от того, как он живет. Одна жизнь предрасполагает к одним ощущениям, другая — к другим. Чтобы воспринять и ощутить Божество, нужна соответствующая жизнь, не только внутренняя, но и внешняя. Ощутить Божество тому, кто раньше не имел этого ощущения, значит изменить свою жизнь; и, самое главное, это значит измениться *физически*, ибо какое же это изменение жизни без физического ее изменения?»⁴.

Четвертое и заключительное Евангелие заканчивается таинственным, как все в этом благовествовании, свидетельством Апостола Иоанна Богослова. Подводя итог труду, ученик и свидетель уточняет свое авторство — «сей ученик и свидетельствует... и написал сие» — и здесь вдруг слышится иной, множественный голос, удостоверяющий истинность написанного — «знаем, что истинно свидетельство его» — а далее слова (Апостола? Сказанные в истории? Звучащие свыше?): «Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь».

³ Исаак Сирий. Слова подвижнические. М., 1993. С. 17.

⁴ Лосев А.Ф. Основные категории абсолютной диалектики (из рукописи). Вестник РХД. № 167. Париж, I-1993. С. 60-61.

Православная Церковь исповедует в Символе своей веры, что Христос, Сын Божий и Слово, есть Тот, Которым сотворено все — от самых фундаментальных состояний, микрочастиц до умопредставляемой бесконечности. «Все чрез Него начало быть... что начало быть», — пишет Апостол Иоанн.

Как же возможно было бы составить вселенский реестр вещей, описать мир во всех разбегающихся подробностях? Где взять для этого столько слов, ведь их наличие должно быть тождественным вещественной наличности мира. Впрочем, само творение есть повествование — явное, явственное, которое человек призван понимать, «читать». «Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы...», — учит Апостол Павел.

Мир есть книга, и все предметы в мире, и все силы в нем — слова этой книги. Книги слов необычных, особых логосов.

«Материальная реальность, — пишет Христос Яннарас, — есть осуществление энергии-логоса и доступна познанию человека постольку, поскольку логос составляет ее сердцевину. Человеческий логос открывает в лоне природы другой логос. Следовательно, познание природы всегда носит ана-логический или, лучше сказать, диа-логический характер».⁵

Материя, по учению святых Григория Нисского, Максима Исповедника, есть осуществление повелений Творца, Его логосы. Вещи пребывают энергией Божией воли⁶, в них «звучит» некая возобновляемая инерция от того импульса, что в начальных строках Библии выражен волеизъявлением «да будет!» Это «да будет», где между словом и его исполнением нет промежутка (где только, как у трепещущего пред Господом псалмопевца, одно: «Он сказал, — и сделалось; Он повелел, — и явилось»), это «да будет» хранится в энергийной памяти творения и есть его неостывающая жизненность, таинственно звучащее в нем Божие слово.

⁵ Яннарас, Христос. Вера Церкви. М., 1992. С. 80.

⁶ У В. Н. Лосского (в «Очерке мистического богословия Восточной Церкви». М., 1991. С. 75): «...Божественные воления являются творческими идеями вещей, их “словами», их “логосами”».

«Творец приводил творение в бытие тем, — пишет С.С. Аверинцев, — что окликал вещи, обращался к ним, дерзнем сказать — разговаривал, заговаривал с ними; и они начинали быть, потому что бытие — это пребывание внутри разговора, внутри общения. А добровольный и окончательный, на всю вечность, выход сотворенного ума из общения с Богом, разрыв общения, отказ слушать и быть услышанным, — не это ли обозначается в Апокалипсисе как «смерть вторая»? Вместо диалога, который начался «в начале», чтобы длиться вечно, — пребывание вне диалога, тоже вечное, но только потому, что самый диалог вечен».⁷

Человек в начале истории, совершеннейшее творение, обладал даром слышать «логосы» вещей и произносить их, давать существу имена. Мир не был враждебен человеку, послушно приводился к нему и перед ним раскрывался, рассказывая о себе. А сейчас?

«Откуда, как разлад возник?

И отчего же в общем хоре

Душа не то поет, что море,

И ропщет мыслящий тростник?»⁸

Тютчеву ясно, что разлад возник из нашей «призрачной свободы», из самоволия. Логос человека не созвучен логосу «в лоне природы», между ними растет, как трещина, разобщенность.

В вещи слово, в слове — Божие воление, внутренняя предназначенность и целеустремленность. И по прихотливой воле человеческой, глухой и самоупоенной, они употребляться не должны. Но человек борется со стихиями, покоряет их и перестраивает для своего комфорта, и борется с языком. И все это одна борьба: грязные реки и вырубленные леса, разломы речи Маяковского и неологические мутанты Хлебникова. На горизонте линии сходятся в точке.

В. Н. Лосский умственно реставрировал, восстанавливал руины, описывая познавательный процесс первозданного человека: «Человек изнутри познает живые существа, проникает в их тайну... Тогда язык совпадал с самой сущностью вещей, и этот невооруженно

⁷ Аверинцев С. С. Слово Божие и слово человеческое // София — Логос. Киев, 2001. С. 389.

⁸ Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. М., 1957. С. 244.

утраченный райский язык обретают вновь не изыскатели оккультизма, а только те милостивые сердца, о которых говорит прп. Исаак Сирий, те сердца, которые пламенеют любовью ко всему тварному миру: птицам, зверям, ко всей твари»⁹.

По слову того же святого аввы Исаака, существует «пламя вещей», о котором можно иметь понятие, ответно пламенея любовью. Находит это какое-либо выражение в словах? Или еще раз повторим вопрос, так или иначе звучавший в этих заметках: открывается ли за словом некая глубина, которая как будто ускользает от точного описания, противится термину (окончательному, предельному, «мертвому» слову)? У Святителя Григория Нисского сказано на эту тему: «...как целый мир познавая при помощи чувств, так же самую деятельностью нашего чувства путеводимся к уразумению того, что на деле и по понятию выше чувства и глаз делается для нас истолкованием всемогущей премудрости и созерцаемой во вселенной, и указующей собою Того, Кто премудро в руке Своей содержит вселенную, так, смотря на мир, который в нас, немало имеем поводов от видимого гадать и о сокровенном. Сокровенно же то, что само в себе, будучи мысленным и не имеющим вида, избегает чувственного понимания».¹⁰

Даже если предположить, что в слове потенциально таится весь его смысл — опыт подскажет, что весь он не может быть явлен и назван. Во-первых, не хватит времени и не позволят обстоятельства извлечь этот смысл на свет через узкое горлышко слова. Во-вторых, и это перекликается с вышесказанным, слово и его смысл динамичны в истории, подвержены трансформациям, но не теряют узнаваемости, самоидентичности. Слово о-предел-яет, ограничивает, но вместе оберегает от выветривания или размывания. Оно есть в себе и конец, и начало — плодотворное уплотнение, зерно, помнящее о том, что было и готовое стать тем, что, возможно, будет.

⁹ Цит. по: Давыденков Олег, иерей. Догматическое богословие. Курс лекций, ч. III. М., 1997. С. 94.

¹⁰ Цит. по: Символ. № 28. Париж, 1992. С. 195. (Свт. Григорий Нисский. Творения. М., 1862. С. 212-213).

Апостол Павел, смиренно отделяя себя от тех высот, которых он сподобился достигнуть, свидетельствует («Знаю человека во Христе, который...»), — говорит Апостол. «Как будто о другом говорит, — комментирует Святитель Феофан Затворник, — хотя очевидно говорит о себе, — это потому, что он при этом был не действующим, а действуемым. Сознал себя определенно и видел ясно все, что с ним делается...»¹¹): «Знаю человека во Христе... что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать».

Апостол созерцал смысл, превосходивший слова. Однако — созерцаемый. Совсем неизреченное есть и немислимое, оно не предполагает общения, какой-либо даже самой условной и незакрепленной «фиксации». Его нет. Если о нем сообщается — значит, оно существует. Неизреченность — это в некотором восприятии изреченность, но другого свойства, другой природы. Она входит в ум и сердце, а выражение находит не в графике или акустике, не в традиционных словах, а в иных символах и знаках. Неизреченность «заговорила» в Апостоле теми испытаниями, что он претерпел, трудами и подвигами. Она стала красками и линиями образа жизни. Апостол воспринял существо, а рассказал об этом веществом, как бы самой вещью — делами, судьбой, славной кончиной.

«А иные говорят, — замечает блаженный Феофорит Киррский, — что глаголы суть самые вещи; потому что Апостол видел красоту рая, лики в нем Святых и всесторонний глас песнословия. Все сие в точности знает сам видевший это»¹².

XX век не раз заявлял, в лице философов, поэтов и лингвистов, о самобытности и независимости языка. Хорошим тоном в литературе — в широком понимании термина — стала эпатирующая оригинальность в обращении со словами и, отдельно, со смыслами. Играть как хочется можно только с неживым.

Процесс освобождения слов от смысла прогрессирует с ускорением; слова становятся легче, легкомысленней. Вырезать слово

¹¹ Феофан Затворник, святитель. Толкование второго послания Св. ап. Павла. М., 1998. С. 398.

¹² Цит. по: Феофан Затворник, святитель. Толкование второго послания Св. ап. Павла. М., 1998. С. 405.

на клинописной плитке или прочертить его тростью на пергаменте требовало, конечно, труда и, соответственно, заставляло дорожить словом, отсылаемым в пространство и в будущее. Сегодня гуманитариев просят не писать рукой, то есть ручкой, по бумаге.

Отмирает ощущение слова как чувствительной частицы живой, пронизанной энергиями Вселенной. Труднее сегодня познавать невидимое: слова разбрелись по листам той Книги, которую предлагали читать апостолы и богословы.

Плоть противится духу повсюду, это старая тотальная война, и известно также, что их вражда берет свое начало там, где должно было укрепляться их согласие, их единство. Человек призван был соединять в своем сердце — и не абстрактный человек, а *лично* каждый — творение со своим Творцом. Первоначально существование и вещественность, осмысленность и словесность составляли в нем целое. Это целое дышало воздухом свободы.

Утратив свободу в сердце — изменив любви — человек начал выбирать: дорога жизни стала двоиться в его глазах, у правого пути возникло левое отражение, пародия. И человек уходил в эту подмену все дальше от смысла жизни, который теперь иначе и не получалось понять, как только охватывая жизнь взглядом со стороны, из вечности, обозревая ее всю от истоков до венцов, и вмещающая созерцаемое в свою сокровенную глубину, в свою личность. Личность делает единственной и неповторимой обыкновенную, циклическую жизнь; она делает знакомые, бесчисленно повторяемые слова — впервые звучащими. Личность сама есть слово, и слово единственное, в полноте никогда не переводимое, но бесконечно постигаемое, как бесконечен Сказавший его.

Когда мы ныне главное, или очень важное, полагаем в том, чтобы «наполнить слова значением, содержанием, то есть чувством — духом»¹³, мы понимаем и подразумеваем, что совершить это может только личность, наполненная всем названным. Личность, которая, по определению богослова Павла Евдокимова, «есть принцип объединения, создающий единство всех планов с общением свойств»¹⁴. Полнота и общение здесь взаимообусловлены.

¹³ Дневники оптинского иеромонаха Василия (Рослякова) — рукопись.

¹⁴ Евдокимов П. Н. Православие. М., 2002. С. 102.

ТРИ РЕВОЛЮЦИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ИСТОРИИ НОВОЙ РОССИИ

С переломного момента в информационной политике России прошло почти два десятилетия. Значительные перемены, как в стране, так и на телевидении начались после 1985 г. Новое руководство СССР во главе с М. С. Горбачевым использовало СМИ для поиска путей выхода из застоя, для того, чтобы сломить бюрократическое сопротивление реформам, для пропаганды нового политического мышления. Наиболее эффективным инструментом для этого было телевидение. Его возможности во многом превосходили печатные СМИ. Телевизионное изображение способно в кратчайшие сроки достигнуть самых отдаленных районов, проникнуть в любую социальную сферу. Благодаря этому в восприятии обществом информационного продукта произошли кардинальные перемены. Взятый горбачевским руководством курс на гласность означал постепенное снятие традиционного контроля над словом, переход от монолога и назидательности к дискуссии. Конец 1980-х годов в политике страны ознаменовался отказом от образа врага, выбором приоритета общечеловеческих ценностей и свободой выбора, а ТВ постепенно переставало бояться инакомыслия и приучало себя к плюрализму мнений.

Его популяризации в период экономического кризиса способствовал почти бесплатный доступ к телевизионной информации: платить нужно было только за электричество. После развала розничной сети распространения прессы «традиционно читающая нация» была вынуждена переключить внимание на телевизионные экраны.

Проведенные в 1993 г. социологические опросы показали, что в этот период только 13% россиян доверяли газетам, а вот у 36% опрошенных из всех СМИ наибольшее доверие вызывало телевидение¹.

Заняв позицию лидера среди СМИ, телевидение является главным источником новостей для 40% населения (особенно в регионах), и лишь 19% опрошенных считают важнейшим источником информации газеты. Система подачи телесигнала к началу 1990-х

¹ См.: Общественное мнение России по социально-политическим проблемам / Под ред. А. В. Милехина, Н. И. Попова). М., 2000. С. 23, 641, 645, 649.

годов была хорошо налажена. Об этом позаботилась еще коммунистическая партия, которая использовала ТВ для распространения программ идеологической направленности.

О динамичном развитии отечественного телевидения специалисты и зрители говорят несколько последних лет, но до сих пор так никто и не проанализировал основные этапы произошедших реформ на ТВ в едином контексте. Среди имеющихся научных трудов львиная доля исследований посвящена влиянию российского телевидения на формирование демократического общества, но эти работы не раскрывают полной картины глобального изменения отечественного телевидения с начала перестройки до современности. Эта проблема и явилась одной из главных причин для выбора темы диплома. Она актуальна и, в некоторой степени, эксклюзивна, а значит, может быть интересной не только автору.

Каким образом происходил переход от Гостелерадио к эпохе негосударственного, но и несвободного телевидения? Что стало главным в телевизионной революции — индивидуально выбираемая информационная политика, изменение структуры управления телевизионной отрасли на фоне технического прогресса или программное содержание? А так же, как телевидение влияло на создание, а затем и регулирование, демократического общества? Обсуждая телевизионные реформы, невозможно не затронуть и изменения в области всех видов СМИ. Анализ невозможен также без обращения к основным историческим событиям советского ТВ. Ведь увеличению числа каналов, а также полной реконструкции системы управления телевидением предшествовала масса социально-политических преобразований.

До середины 1980-х годов СМИ в СССР были равны между собой. Они были полностью подцензурными и финансировались из государственной казны. Старый медиапорядок предполагал одни правила игры для и для печати, и для аудиовизуальных СМИ — идеологическую пропаганду. Будь то пресса, радио или телевидение. Ситуация стала меняться благодаря первому президенту Советского Союза М. С. Горбачеву. С появлением гласности у журналистов появилась возможность открыто выражать свои мысли.

Распространению гласности способствовали и экономические реформы. Два этих аспекта сыграли важную роль в отклике телевизионного предложения на зрительский спрос. Между каналами

появилась конкуренция. Постепенно возникло понятие «рейтинг»². Рейтинг не только дал возможность определять популярность той или иной программы, но и оказывал непосредственное влияние на ценообразование той или иной рекламы, размещенной в телевизионном эфире. Показывая долю симпатии телезрителя к программе, именно рейтинг может определить ее долговечность, поскольку рекламодатель, за счет которого программа существует, стремится показать свой товар как можно большей аудитории.

В рамках нового демократического государства телевидение превратилось в гигантскую индустрию. Находящееся на пике популярности, самое массовое средство информации и развлечения, телевидение сегодня одна из самых затратных, и одновременно самых прибыльных видов деятельности. Благодаря суровым законам рыночной экономики оно научилось зарабатывать, что привело к независимости в управлении структуры.

На мой взгляд, в развитии системы отечественного телевидения необходимо выделить три основных направления, условно назвав их революциями.

Первая — организационная революция. Сюда вошло появление новой структуры управления телевидением. На смену существовавшему в Советском Союзе государственному контролю над всеми СМИ пришел медиарынок. С его появлением стало возможным сегментировать средства массовой информации на аудиовизуальные (радио, телевидение, Интернет) и печатные (газеты, журналы). Благодаря этой сегментации появилась возможность более тщательного подхода к развитию конкретных СМИ в условиях рыночной экономики и демократии. Стремительное увеличение числа отечественных телеведущих незамедлительно привело к росту конкуренции между государственными и негосударственными телекомпаниями.

Вторая революция — информационная. В первую очередь, в ней нужно отметить отмену главного государственного органа цензуры — Главлита. С тех пор роль контролеров за информационным потоком стали выполнять непосредственные хозяева СМИ. Ведь крупные медиахолдинги создавались отдельными предпринимате-

² Рейтинг — количество зрителей, смотрящих или слушающих определенную программу, отнесенное к общей численности аудитории, которая имеет техническую возможность смотреть телевизор или слушать радио. Цит. по Вартанова Е. Медиаэкономика зарубежных стран: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 331.

лями — олигархами, а также промышленными корпорациями или союзами. Это приносило владельцам большую прибыль и позволяло им высказывать широкой аудитории свою точку зрения на политические события в стране.

Перестройка в СССР неожиданно совпала с мировым изменением в отношении к понятию «новость». Главные темы информационных программ были посвящены человеческой жизни. Политика и социальная сфера стали отходить на второй план. Угроза мирового террора вынуждала цивилизованное сообщество задуматься о безопасности жизни наций. Эти тенденции мгновенно захватили информационное сообщество России. «Вести с полей» больше не будоражили сознание бывших советских граждан. По-прежнему мало эфирного времени уделялось в телевизионных выпусках новостей событиям культуры.

И, наконец, третья революция — содержательная. С начала 1990-х годов на российском телевидении появились новые жанры. Реалити-шоу в «застеколье», актуальные интервью с «героями дня» и интеллектуально-денежные игровые «поля чудес» ни чем не отличались от западных аналогов, но значительно разнообразили наше ТВ. Отечественное телевидение выстраивалось по западным аналогам, впитывая в себя все тенденции мирового телевизионного рынка. Это привело к созданию новых форматов — тематического ТВ: музыкальное (Муз-ТВ), развлекательное (СТС), познавательное (Rambler TV) и бизнес (РБК ТВ)

Вот три приоритетных направления развития современного отечественного телевидения, каждой из которых необходимо уделить специальное внимание в ходе научного изучения российских СМИ.

*Вл. А. Луков,
М. В. Луков,
А. В. Луков*

ТЕЛЕВИДЕНИЕ И КУЛЬТУРА ПРОИСХОДЯЩЕГО

В 2007 г. исполняется 100 лет с события, ставшего отправной точкой в создании телевидения: российский профессор Б. Л. Розинг связал электронно-лучевую трубку, созданную немцем К. Ф. Брауном в 1897 г., с тем, что он назвал «электронным видением». Потребовалось еще несколько лет на получение четкого телевизионного изображения, и в 1923 г. эмигрировавший в США русский изобретатель В. К. Зворыкин сделал письменную заявку на изобретение иконоскопа — передающей телевизионной трубки. Первая в мире телевизионная передача с четким изображением (405 строк) была осуществлена в Лондоне 2 ноября 1936 г., когда во всей Англии было около 100 телевизоров. Регулярное телевидение началось 10 марта 1939 г. в Москве (телецентр на Шаболовке, развертка 343 строки), 30 апреля 1939 г. в Нью-Йорке (до этого, в 1935 г., шли регулярные передачи в Берлине и Париже, но с нечетким изображением в 180 строк, в СССР даже с 1934 г., но с малострочным вещанием).

Поражают темпы развития телевидения. Ему потребовалось всего полвека, чтобы стать самым мощным СМИ. Так, в 1986 г. только в США телевизор имели 87,59 миллионов семей (около половины из них были подключены к кабельному вещанию), при этом 80,1 миллионов домов (91%) имели цветные телевизоры, а свыше 50% семей имели в доме по два и более телевизора. Уже тогда были телепередачи, которые одновременно собирали у экранов телевизоров десятки, сотни миллионов и даже миллиарды зрителей. Так, 2,5 миллиарда зрителей смотрели в прямой трансляции (и в записи) с 27 июля по 13 августа 1984 г. передачи с XXIII Олимпийских игр в Лос-Анжелесе. Этот и другие рекорды, зафиксированные в «Книге рекордов Гиннеса», характеризуют телевидение как самое эффективное средство массовой информации. В среднем

незадолго до конца XX века телевизор в США был включен 6 часов в сутки, в Англии в зимнее время зрители проводили у телевизора 26 часов 4 минуты в неделю мужчины, 30 часов 38 минут женщины. На сегодня суточный просмотр телевидения средним россиянином в настоящее время составляет 3,5 часа. Если для сравнения отметить, что в наиболее развитых странах мира — США и Японии — эта цифра равна 5 часам, а на одном из последних мест в мире стоит Индия, где индивидуальный ежедневный просмотр телевидения в среднем равняется 1 часу 40 минутам, то становится очевидным, в каком направлении будут развиваться объемы телепросмотров в России в ближайшие годы: они, безусловно, будут расти.

Отсюда особая значимость исследование телевидения, в том числе и в наиболее общем — культурологическом — аспекте. В данном отношении уже немало сделано как зарубежными, так и отечественными учеными. Ранние исследования скорее рассматривали телевидение как техническую новинку. Масштабное культурологическое осмысление телевидения как значимого феномена цивилизации началось после того, как М. Маклюэн опубликовал книгу «Гутенбергова галактика»¹, где утверждал, что на смену власти книгопечатанья, культуре, основанной на чтении книг, приходит «Галактика Маркони» — современная электронная цивилизация, вслед за чем современный мир определил как «глобальную деревню», в которой главным средством коммуникации, информации и управления стало телевидение. Огромное влияние на культурологическое осмысление телевидения оказал и Г. Маркузе. В своей книге «Одномерный человек»² он характеризовал телевидение как один из главных инструментов манипуляций со стороны государственных структур сознанием человека, превращения его в «одномерного человека», а всего общества — в «одномерное общество», которому следует сказать решительное «нет», провозгласив «борьбу против», «Великий отказ». Некоторые культурологи (например, Ж. Марабини) провозгласили Маркузе и Маклюэна глаша-

¹ McLuhan M. The Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man. Toronto, 1962.

² Marcuse H. Der eindimensional Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft. Neuwied u. B., 1967.

таями «новой мировой революции». Два этих имени обозначили два полюса отношения к телевидению: оптимистический (Маклюэн) и пессимистический (Маркузе). Но это был скорее взгляд, чем теория.

Наиболее значимой культурологической теорией телевидения можно считать концепцию Р. Вильямса, изложенную им в работе «Телевидение. Технология и структурная форма»³. Здесь была обоснована теория телевидения как «потока», разрушающего жанровые и другие ограничители. Появились работы, в которых телевидение рассматривается не как средство коммуникации (основное в концепции Вильямса), а как одна из сложных знаковых систем (Р. Аллен, Дж. Фиске), трактуется в постмодернистском ключе (Ж. Бодрийяр, Дж. Уайвер, Э. Каплан, Ф. Джеймисон) вплоть до признания телевидения «реальным миром постмодернистской культуры, общества и экономики, реальной популярной культуры, которая стремится вперед, движимая экстазом и разложением непристойного зрелища» (А. Крокер, Д. Кук). Глубиной социологического подхода к телевидению отмечены взгляды П. Бурдьё. Большое количество зарубежных работ носят специальный характер (Б. Уилки, В. и С. Карлсон, Д. Сэмюэлсон, Д. Миллерсон, Д. Лайвер, Р. Гейтс и др.).

Значительно число работ о телевидении и в отечественной науке (А. Я. Юровский, В. С. Саппак, Р. Н. Ильин, Э. Г. Багиров, И. Г. Кацев, Ю. А. Богомолов, В. П. Демин, Р. Д. Копылова, А. С. Вартанов, С. Б. Рассадин, В. В. Егоров, Н. А. Голядкин, А. В. Колосов и др.). В близком к теме диссертации аспекте анализируют телевидение культурологи Е. Н. Шапинская, В. А. Шапинский, А. В. Костина и др. В последнее время появились весьма ценные диссертационные исследования по проблемам телевидения (работы В. М. Березина, М. И. Гарабовой, Х. Д. Дамадановой, Н. А. Исаевой, Н. А. Краибиной, Ли Яня, Е. А. Московской-Муштак, Мухамеда Наима, Н. Е. Орешкина, А. В. Пилипенко, И. В. Рогозиной, А. А. Шараповой, О. В. Шлыковой и др.).

³ Williams R. Television. Technology and Cultural Form. Hannover; London, 1974.

Наиболее характерный культурологический подход, свойственный как зарубежным, так и отечественным исследованиям, заключается в соотношении телевидения и массовой культуры. Однако более продуктивным может стать подход, суть которого — представить телевидение в связи с другой культурой, в ряде аспектов близкой к массовой, но вместе с тем иной — с культурой повседневности. Он пока остается слабо разработанным. Это во многом связано и с тем, что культурологическая и социологическая разработка понятия повседневность, осуществленная Г. Зиммелем, М. Хайдеггером, Э. Гуссерлем, Г. Маркузе, А. Лефевром, А. Хеллер, А. Щютцем, П. Бергером, Т. Лукманом, Ж. Бодрийяром, школой «Анналов» (Блок, Бродель, Ле Гофф), школой «новой этнографии» (Фрэйк, Стюртевант, Псатас) и развившим ее идеи Г. Гарфинкелем, а в отечественной науке Л. Г. Иониным, А. В. Костиной и многими другими исследователями, за редким исключением (например, у Г. Маркузе, в отечественной культурологии — у А. В. Костиной) связана с прошлыми эпохами или народами, оставшимися на ранних стадиях развития общества. Поэтому специфика современного развития повседневности, в частности, воплощенная в социокультурном феномене телевидения, во многом остается непроявленной.

В определенном отношении, помехой здесь является сам термин «культура повседневности», даже еще более общий термин «повседневность», за которым после работ названных классиков научной мысли закрепилось определенное значение: в обобщенном виде повседневность характеризуется как «процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий»⁴. Ее признаки — единообразие восприятия ситуаций взаимодействия всеми ее участниками, нерелективность, отсутствие личностной вовлеченности в ситуации, типологическое восприятие участников взаимодействия и мотивов их участия; типологические структуры — типичные ситуации, типичные личности, типичные мотивы и т. д.⁵ Не

⁴ Ионин Л. Г. Повседневность // Культурология. XX век: Энциклопедия: В 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 122.

⁵ Там же. С. 122–123.

случайно Г. Зиммель видел в повседневности рутину, которой противопоставлял приключение, а Г. Маркузе культуру связывал с праздником творчества, а в повседневности видел рутинный технизм цивилизации. Однако если следовать историко-теоретическому подходу, настаивающему на исторической изменчивости содержания терминов науки, можно предположить, что применительно к современному этапу понятие «повседневность» должно включить в себя новые смыслы и утратить некоторые старые. Рутинность и нерелективность никак не координируются с жаждой новизны вплоть до сенсации, ставшей характерной для повседневной жизни, со склонностью анализировать таинственные и непонятные явления, также занявшей в ней заметное место. Можно сказать, что рутинность и нерелективность отошли к сфере «массовой культуры». Если говорить о привычке, то и она обретает новое содержание, например, привычка к избыточной (часто ненужной) информации, привычка к непрестанному обновлению (моды, техники, имиджа, впечатлений и т. д.), без которого современная жизнь кажется скучной, неинтересной, именно рутинной. На базе такого понимания повседневности трансформируется и представление о культуре повседневности применительно к современности. Определяя черты этой новой культуры, можно воспользоваться концепцией, предложенной А. Щютцем⁶, который применил к повседневности понятие *erosche* не в значении «воздержание от суждений», а в значении «воздержание от сомнений в существовании внешнего мира», и выделил такое качество повседневной жизни, как активную деятельность по его преобразованию. Опыт развития телевидения подсказывает, что и это не финал: на смену преобразованию внешнего мира все более настойчиво приходит конструирование виртуальных миров, становящееся частью современной культуры повседневности в обновленном значении этого термина.

Пролить дополнительный свет на данный вопрос позволяет более детальная характеристика телевидения как феномена современной культуры.

⁶ См.: Щютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А. Я. Алхасов; Пер. с англ. М., 2003.

Телевидение — очень молодой феномен культуры, который при своем возникновении должен был встраиваться в уже существующую «систему вещей» и в соответствующую ей систему представлений. Для сравнения: когда был создан первый автомобиль (1895), его форма напоминала форму кареты и, подчеркнем, не могла быть иной: в сознании и создателей автомобиля, и всех других людей доминировало представление о карете как наиболее комфортном средстве передвижения. Назовем карету моделью-прообразом автомобиля, чтобы кратко охарактеризовать само явление. Вхождение телевидения в культуру демонстрирует тот же подход и, что очень важно, нечто совершенно новое.

При возникновении радио (А. С. Попов, 1895) моделью-прообразом выступала звучащая человеческая речь, позже — звучащая музыка, то есть явления, относящиеся к началу человеческой культуры. При возникновении кино (братья Люмьер, 1895, Ж. Мельес) его моделями-прообразами были театр (европейская традиция восходит к античному театру V века до н. э.) и фотография (основоположники — изобретатели Л. Ж. М. Дагер, 1839, Ж. Н. Ньепс во Франции; У. Г. Ф. Толбот, 1840–1841, в Англии), которая, в свою очередь, в качестве модели-прообраза имела живопись (зарождение — около 40000 лет до н. э.). Уже кино приблизилось за счет фотографии к тому «эффекту телевидения», который нас интересует.

Телевидение при возникновении не опиралось на древние модели-прообразы, в их качестве выступали радио и кино, то есть новейшие феномены, которые сами еще не были достаточно освоены человечеством (дополнительно: газета, более старая модель). Впоследствии тот же эффект повторился при возникновении компьютерной культуры (в частности, Интернета), где среди моделей-прообразов нужно назвать прежде всего телевидение. За новейшими моделями древние и даже новые модели просматриваются лишь исторически, вне актуального осознания, и это то новое, что сформировалось в культуре при появлении телевидения.

Именно обновление моделей-прообразов, происходящее в культуре XX века, может объяснить, почему сущность телевидения остается недостаточно выявленной. Новейшие модели сами еще не

освоены в полной мере, что ведет к стремлению опереться на более прочный фундамент (то есть более привычный). Отсюда концепция телевидения как нового вида искусства. На этот счет велась обширная дискуссия. С изложенной точки зрения, скрытый смысл ее — в проведении аналогии между телевидением (новое в культуре) с искусством (старое, освоенное, понятное в культуре) или в критике этой аналогии. Можно привести большое количество доказательств, подтверждающих, что телевидение — особая форма искусства (или шире — художественной культуры). Тогда, приняв общий тезис, необходимо сделать следующий шаг — провести сравнение телевидения с различными видами искусства (художественной культуры). Как бы при этом ни была выявлена специфика художественных возможностей телевидения, на первый план неизбежно выступают его склонность к вторичности и ориентация на многомиллионную зрительскую аудиторию, то есть черты массовой художественной культуры. Это, как представляется, и привело к ставшему традиционным представлению о телевидении как форме массовой культуры (которая и выступила как объясняющая модель-образ телевидения). Мы уже отмечали, что концепт «массовая культура» окрашен в негативные тона, отсюда вполне логичное перенесение этого эмоционального оттенка на концептуальную трактовку телевидения.

Между тем, телевидение, при всей внешней схожести с массовой художественной культурой, выполняет иную роль, очевидно, настолько новую, что она не поддается элементарному определению через аналогию и требует специального исследования.

Роль телевидения характеризуется полифункциональностью. Однако в множественности конкретных функций выделяются две фундаментальных функции, что позволяет говорить о биполярной функциональности телевидения. Первая функция — информационная. Вторая функция — досуговая.

Простота, даже тривиальность ответа здесь кажущаяся. Содержание функций исторически менялось и, очевидно, будет меняться и в дальнейшем. Положение историко-теоретического научного подхода, согласно которому содержание исследовательской

терминологии может меняться при ее отнесении к разным историческим этапам⁷, здесь как нельзя более актуально.

Информационная функция составляет базовую особенность телевидения как культурного феномена. Чтобы пояснить эту мысль, сравним показ художественного кинофильма в кинотеатре и по телевизору. В кинотеатре, как бы он ни был плохо технически оборудован, мы встречаемся с самим произведением искусства, это и есть форма его существования. Напротив, фильм, показанный по телевизору, даже самому совершенному, — это лишь информация о произведении искусства (подобно тому как «Джоконда» Леонардо да Винчи, которую мы видим в иллюстрированном журнале или книге, — это лишь информация о картине, находящейся в Лувре).

В более узком и привычном смысле, информация на телевидении выступает как совокупность сведений о событиях, новостях.

В первых передачах телевидения информация соответствовала моделям-прообразам, которые давало радио (для радио, в свою очередь, такой моделью-прообразом выступала газета⁸). Основное содержание такой информации — последние новости страны и мира и анализ событий, как правило, за небольшой период (неделя, месяц, год). Основная форма — новостные жанры телевидения. Конкретизация — в программах как многопрофильных — «Новости», «Вести», «Сегодня», «25 час», так и специализированных — «Новости культуры», «Парламентский час» и др. (примеры из отечественного телевидения). Формат — от 10 минут до 1 часа. На советском телевидении широко были представлены чтения докладов на партийных съездах и других документов партии и правительства, нередко превышавшие этот лимит (эти передачи также могут быть отнесены к новостному блоку). Наиболее распространенная видеоформа — «говорящая голова» (диктор или ведущий, сидящий

⁷ Положение было выработано на основании идеи изменчивости содержания терминов в ее изложении А. Ф. Лосевым. См.: Лосев А. Ф. О значении истории философии для формирования марксистско-ленинской культуры мышления // Алексею Федоровичу Лосеву: К 90-летию со дня рождения. Тбилиси, 1983. С. 142–155.

⁸ Подробно, на большом материале, раскрыто в диссертации: Тихонова О. В. Радиогазеты как фактор становления, развития и трансформации отечественной радиожурналистики: Дис... канд. филол. н. М., 2005.

за столом в студии) со вставками материалов, отснятых на месте событий (в жанрах репортажа, интервью, очерка и т. д.). Блоки новостей могут повторяться через короткие промежутки времени (вариант «Евро-ньюс»). Отличие от других средств массовой информации — в большей оперативности (по сравнению с печатью), присутствии видеоряда (отсутствующего в радиовещании). Информационная функция телевидения представлена также блоком научно-популярных и учебных передач, выполняющих просветительские задачи. Таким образом, просветительская функция поглощается функцией информационной, выступая как ее конкретизация (на ранних этапах телевидения просветительство могло выступать как отдельная фундаментальная функция).

Но на новом этапе развития телевидения (в нашей стране со времен перестройки, на Западе — значительно раньше) информационная функция телевидения принципиально изменилась по содержанию (и, как следствие, по формам), ибо изменилось само представление о телевизионной информации.

Отечественный зритель, воспитанный на передачах информационно-просветительского (с ярко выраженной идеологической установкой) советского телевидения, был поражен появлением на телевидении коммерческой рекламы. Поначалу неумелая, подражающая западным образцам, потом все более качественная, даже талантливая, она настойчиво вмешивалась в сетку вещания. То, что было предметом смеха для советских зрителей, смотревших в кинотеатрах комедию-пародию «Лимонадный Джо» (ЧССР, 1964, реж. О. Липский), где киноповествование прерывалось пародией на американскую телерекламу, стало повседневной реальностью. Характерная черта рекламы на телевидении — прерывание текущей передачи (фильма, концерта, ток-шоу, спортивного матча, новостей и т. д.) на рекламу, т. н. «рекламная пауза» (исключение — государственный канал «Культура» и платные каналы без рекламы). Существующий стандарт формата телепередачи жестко определен: 13, 26, 52 минуты. На самом деле это четверть, половина и полный час вещания, но в нем учтено время (рассчитанное психологами), которое зритель может терпеть рекламные блоки: на 15 минут — 2 минуты, на 30 минут — 4 минуты, на 1 час — 8 минут.

Эта схема телевидения — дитя западной цивилизации.

Приведем ряд фактов из «Книги рекордов Гиннесса», связанных с новостными программами и рекламой на телевидении.

«Самая высокооплачиваемая ведущая новостей. Самая высокооплачиваемая ведущая новостей — Кэти Курик (США), диктор программы «Сегодня» канала «Эн-Би-Си» (США). Ее годовой доход составляет 13 млн. долл. В декабре 2001 г. она подписала контракт стоимостью 65 млн. долл. США на 4,5 года и опередила Барбару Уолтерс, которая возглавляла список «Форбс» самых высокооплачиваемых ведущих новостей 2002 г.»;

«Первый виртуальный телеведущий. Первый виртуальный телеведущий — Мэдди, созданная «Диджител Энимейшнз групп» (Глазго, Великобритания). Впервые она стала соведущей программы «Мир завтра» (Би-Би-Си, Великобритания) 27 марта 2002 г.»;

«Самая первая телереклама. Самая первая телереклама была показана 27 июня 1941 г. на канале «Эн-Би-Си» (Нью-Йорк, США). В ней рекламировались часы “Vulova”»;

«Больше всего премий телевизионной рекламы. В 1995 г. рекламный ролик джинсов «Леви 501» удостоился 33 международных премий. Его режиссер Мишель Гондри (Франция) получил за эту работу «Золотого льва» на Каннском фестивале 1994 г.»;

«Самая короткая телереклама. Самая короткая телереклама вышла на экраны 2 января 2002 г., она занимала 1 кадр и длилась 1/60 секунды. 12 версий этой рекламы канадского музыкального телевизионного канала “MuchMusic” сеял режиссер Таранга Раманаяка (Канада)»;

«Самая дорогая рекламная телекампания. 90-секундный ролик рекламы «Пепси-колы» с участием Бритни Спирс (США) стоил 8,1 млн. долл. США, т. е. 90000 долл. США за секунду. Впервые ролик был показан 3 февраля 2002 г. во время трансляции Суперкубка»;

«Крупнейшая одновременная премьера рекламы. 1 ноября 1999 г. в 9 утра по местному времени “Форд Мотор Компани” (США) одновременно выпустила 2-минутный рекламный ролик на 140 общенациональных и местных каналах в 190 странах мира»;

«Самый высокий рекламный тариф. Самый высокий рекламный тариф на телевидении — 2,4 млн. долл. США за 30 секунд эфирного времени — в прайм-тайм на канале «Эн-Би-Си» во время Суперкубка XXXV 28 января 2001 г.»;

«Самая долгая карьера звезд рекламы. Рекламная кампания чая в пакетиках фирмы «Пи-джи Типс», главные роли в которой играли шимпанзе, началась в 1956 г., на второй год осуществления рекламы на телевидении Великобритании. Было снято более 100 роликов, озвученных Питером Селлером (Великобритания), последний из которых завершен в 1994 г. Исполнявшие роли шимпанзе зарабатывали до 1530 долл. США за ролик. По завершении проекта компания «Пи-джи Типс» основала для обезьян специальный пенсионный фонд»⁹.

Анализ этих мировых рекордов позволяет сделать несколько выводов. Размеры затрат, учреждение престижных премий, изощренность форм телерекламы со всей определенностью показывают ее исключительно важную роль в телевещании Запада. Основные рекорды здесь принадлежат США, что подчеркивает конститутивность приоритета рекламы в «американской модели» телевидения. Гонорары ведущих теленовостей и расходы на телерекламу вполне сопоставимы по масштабам, показывая, что реклама «проросла» в новостную информацию, создав достаточно однородный продукт.

Помимо рекламы характер телеинформации определяется родственными феноменами современной цивилизации — «пиаром» и «промоушном».

Именно эта вторая группа и определила новое содержание представления о телеинформации в новый (и ныне продолжающийся) период развития телевидения. Она в обыденном сознании определяется общим словом «реклама», что поддерживается таким же общим названием этих родственных сфер деятельности на телевидении (в речи ведущих, в титрах). Воспользовавшись ради простоты этим же словом, определим специфическое качество телеинформации современного периода составным термином информация-реклама.

⁹ Гиннесс. Мировые рекорды 2004 / Пер. с англ. М., 2003. С. 176–181.

Информация-реклама пронизывает всю сферу телевидения. Она носит как открытый характер (рекламные ролики), так и скрытый (упоминания объектов рекламы в речи ведущих и участников передач, одежда, прически, другой антураж персонажей, авторитетных для зрителей, то, что они держат в руках, к чему прикасаются, на что смотрят, что слушают, что их окружает, и т. д.). Информация о событиях, превращаясь в информацию-рекламу, изменяет свою структуру. Так, последовательность новостных программ советского периода (официальный блок — трудовая жизнь страны — зарубежный новостной блок — новости культуры — спорт — погода) сменяется другой последовательностью: наиболее сенсационная новость (катастрофа, убийство и т. д.) — менее сенсационные новости (среди которых оказывается, например, официальный блок). Если совершено крупное научное открытие — это материал конца выпуска, но если ученый получил Нобелевскую премию, — начала. Если М. Шарапова получила миллион долларов за победу на теннисном турнире — это первая новость эфира. Если в космос отправлен новый экипаж — место этой новости в середине или конце новостной программы. Объявление о переносе объявления приговора М. Ходарковскому — первый сюжет, в то время как выступление президента РФ на Генеральной Ассамблее ООН — срединный сюжет. Такой подход совершенно исключил из новостных программ тему достижений трудовых коллективов (сохранив сообщения о мастерах-одиночках, создавших, например, автомобиль из выброшенных запчастей, дом из пустых бутылок и т. д.). Огромное внимание уделяется моде, скандалам в жизни звезд экрана, эстрады, подиума, материалу о криминальном мире при почти полном отсутствии сообщений о жителях села, представителях массовых профессий.

Владимир Пимонов приводит остроумную «арифметическую таблицу новостей» классика американской журналистики Джорджа Бастиана:

«1 обыкновенный человек + 1 повседневная жизнь = 0

1 обыкновенный человек + 1 необычное событие = новость

1 обыкновенный глава семьи + 1 обыкновенная жена = 0

1 обыкновенный муж + 3 жены = новость

1 инженер + 1 жена + 7 детей = 0
1 инженер + 1 жена + 1 миллион долларов = новость
1 уборщица + 1 министр + 1 вилла в Испании = новость
1 бухгалтер + 1 Роллс Ройс + 10 пистолетов + 10 кг героина =
новость
1 муж + 1 жена + 1 драка + 1 развод = 0
1 обыкновенный человек + 1 мировой рекорд или подвиг =
новость
1 обыкновенный человек + 1 обыкновенная жизнь в 70 лет = 0
1 обыкновенный человек + 1 обыкновенная жизнь в 125 лет =
новость»¹⁰.

В. Пимонов, опираясь на принцип журналистской этики, отмечает: «Кроме необычности и неожиданности новость должна быть правдивой и основываться на фактах. Новостная журналистика не допускает вымысла или домысла, не допускает версий, предположений и гипотез. Новость всегда основана только на фактической информации (реальное событие, случившееся в действительности), источник которой журналисту известен. Это играет решающую роль для укрепления авторитета журналиста, завоевания доверия публики и повышения престижа СМИ»¹¹.

Таким образом, создание сенсации в своей норме (к сожалению, часто нарушаемой) заключается только в отборе фактов. Впрочем, это в теории, на практике же не меньшую роль играет подача новости: публика не должна сомневаться в том, что речь действительно идет о сенсации дня, и здесь бесценным оказывается опыт рекламы, позволяющей продавать людям в большинстве случаев ненужные, по крайней мере, не остро необходимые им вещи и услуги.

Следует особо подчеркнуть новый эффект, возникающий из сопряжения информации сенсационного толка, берущей свою наступательную форму у рекламы, и собственно самой рекламы. В советские времена был установлен определенный процент негативных новостей в информационной программе: не более 40%. Анализ современных новостей показывает, что негативные новости прева-

¹⁰ Пимонов В. Катехизис журналиста (основы журналистики). М., 2004. С. 9.

¹¹ Там же. С. 9–10.

лируют даже на официальных каналах. На некоторых же (например, на «RenTV» с Романовой) их количество доходит до 90% и иногда даже больше. Можно в этом увидеть происки оппозиции и даже западных спецслужб. Но анализ новостей, идущих по западным каналам (например, по «EuroNews») показывает, что разница не принципиальна: негатив явно первенствует. Мы это объясняем тем, что новости прерываются рекламой. Возникает устойчивый тандем: реальные новости дня ужасны (заказные убийства, коррупция, войны, терроризм), катастрофичны (ураганы, цунами, массовые эпидемии), страшны для простого человека (пожары, протечки, сбои в работе энергосистем, водопровода, канализации, плохие условия жизни, низкие зарплаты, взятки чиновников низшего звена, несправедливый суд, лишение льгот, подорожание продуктов, бензина, увеличение стоимости жилья, халатность в школах и больницах, мошенничество, хулиганство, пьянство, нищета), в то время как в рекламных роликах зрителю представлена идеальная, счастливая жизнь (прекрасные вещи — от колготок до холодильников, все отстирывающие порошки, лекарства от любых болезней по новейшим научным разработкам, почти бесплатные кредиты на почти любую сумму, позволяющие танцевать даже в критические дни прокладки, придающие объем волосам шампуни и ресницам туши, спасающие от кариеса зубные пасты и жевательные резинки, роскошные автомобили и компьютеры последних моделей, захватывающие фильмы, грандиозные концерты, стоящие на страже интересов народа политические партии). Эти два блока постоянно перемежаются, в совокупности пробуждая полярные эмоции зрителей, через посредство которых телевизионная культура оказывает, по существу, суггестивное влияние на сознание и подсознание миллионов.

Сенсационность как принцип подачи информации на современном телевидении оказывается связующим мостом в биполярности основных функций телевидения — информационной и досуговой.

Об этой второй функции следует сказать несколько слов. Ее в настоящее время никак нельзя свести к развлекательной функции, хотя внешне они похожи. Дело в том, что за последние десятилетия

изменилась сама ситуация с досугом. В XIX веке на Западе и в России шла длительная борьба за сокращение рабочего времени (с 12-часового рабочего дня до 8-часового). Это был один из важнейших вопросов демократических, социалистических движений. К. Маркс справедливо для того времени считал, что количество досуга характеризует уровень развития общества. В XX веке линия на сокращение рабочего дня была продолжена и дополнена борьбой за сокращение рабочей недели. К последним десятилетиям XX века нормой стала 42-часовая рабочая неделя с двумя выходными днями. Это позволяло выработать определенную стратегию развития телевидения. У рабочих, интеллигенции освободилось время для духовного развития, расширения кругозора, получения дополнительного образования (что укрепило блок новостных, познавательных, учебных передач), зафиксировано было и наиболее удобное время для развлекательных программ — вечер первого из двух выходных дней.

Значительные изменения произошли в структуре досуга с современным — переходный — период. Они особенно заметны в нашей стране. Прежде всего, телевидение почти повсеместно охватило не только город, но и село, где структура свободного времени связана с сезонными работами (почти полное отсутствие в периоды посевных работ и сбора урожая, избыток свободного времени зимой) и принципиально отличается от структуры свободного времени городских жителей. Чрезвычайно низкие зарплаты интеллигенции и одновременно снятие барьеров для работы по совместительству совершенно изменило бюджет свободного времени этой категории населения. Работа на полторы ставки, в трех, четырех, пяти местах, в том числе в выходные дни стала обычным делом, лишая интеллигенцию страны большей части досуга. Одновременно образовалась обширная категория непрерывно занятых своим бизнесом «новых русских» и не знающих, куда девать свободное время, их жен и детей — в отличие от стабильной группы пенсионеров, весьма пестрого контингента, общей чертой которых является молодой возраст и избыток нерастроченных сил. Характеристику можно было бы продолжить, но вывод и так очевиден: в последнее время образовался глубокий разрыв между людьми, имеющими очень ма-

ленький объем досуга, и людьми, почти вся жизнь которых складывается из досуга. Этот разрыв разрушил сложившуюся в прошлом структуру телевидения. Новые структуры, складывающиеся в изменившихся условиях жизни, крайне неустойчивы и, главное, не могут быть иными.

Телевидение, отражая новые реальности, выработало свои новые формы, реализующие досуговую функцию. В спектре этих собственно телевизионных форм образовалось два тележанра, оказавшиеся на разных полюсах: видеоклип (в краткости которого отразился вариант минимализации досуга) и телесериал (в длительности которого, доходящей до нескольких тысяч серий, отразился вариант максимализации досуга). Между этими полюсами промежуточное место заняло ток-шоу, соединившее в себе информационность и досуговость как телевизионные функции, но уже не через посредство сенсационности, а через иллюзию интерактивности.

Но существует и реальная интерактивность в функционировании телевидения. В 1980-е годы в быт сначала западных телезрителей, а затем и повсеместно вошел дистанционный пульт переключения телевизионных каналов. Переключение каналов (иногда доходящее до болезненности) и есть главный на сегодняшний день способ ведения диалога миллионов зрителей и телевидения. На основании регистрации этих переключений устанавливается рейтинг телепрограмм, диктующий телекомпаниям свои условия.

Французский социолог Пьер Бурдьё в двух телепередачах, записанных 18 марта 1996 г. и показанных в рамках серии телевизионных лекций Коллеж де Франс на канале «Пари Премьер» в мае 1996 г., а позднее изданных¹², дал следующую характеристику рейтингу: «Рейтинг — это измерение доли зрителей, смотрящих тот или иной канал (в настоящее время существуют инструменты, позволяющие измерять рейтинг каждые 15 минут и даже — последнее нововведение — показывать его различия, в зависимости от основных социальных категорий населения). Таким образом, можно получить очень точное представление о том, что пользуется успехом, а что нет. Рейтинг стал главным мерилем работы журналистов: в самых независимых журналистских кругах (...)

¹² Рус. пер.: Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М., 2002.

отныне рейтинг владеет всеми умами. В редакциях газет, издательствах и прочих подобных местах сегодня царит «рейтинговый менталитет».

Повсюду люди мыслят в терминах коммерческого успеха. Еще лет тридцать назад и начиная с середины XIX века, с Флобера, Бодлера и т. д., среди передовых писателей, писателей, писавших для писателей и признаваемых ими, или среди артистов, признаваемых другими артистами, немедленный коммерческий успех считался подозрительным: в нем видели проявление компромисса по отношению к веку, к деньгам... А сегодня рынок все больше и больше признается легитимной инстанцией легитимации»¹³.

Далее — весьма важный анализ, который имеет смысл представить достаточно развернуто: «Рейтинг оказывает на телевидение совершенно особое влияние, которое проявляется в необходимости оперативности. Конкуренция между газетами, конкуренция между газетами и телевидением, конкуренция между различными каналами принимает форму временной конкуренции в погоне за сенсацией. Цель ее — опередить остальных. Например, Алан Аккардо в книге, где он представляет несколько интервью с журналистами, рассказывает, как телевизионщики вынуждены, поскольку конкурентный канал «обработал» наводнение, идти «обрабатывать» это наводнение, пытаясь показать то, что другие не показали. Другими словами, некоторые сюжеты навязываются зрителям, потому что они навязываются их производителям; а производителям их навязывает конкуренция с другими производителями. Такое своего рода перекрестное давление, оказываемое журналистами друг на друга, вызывает целую серию последствий, проявляющихся в выборе, отсутствии и присутствии сюжетов»¹⁴.

Если обобщить замечания П. Бурдьё, власть рейтинга — следствие коммерциализации телевидения, навязывания ему законов рынка через манипулирование зрителями на основе «готовых идей».

¹³ Там же. С. 41–42.

¹⁴ Там же. С. 43–44.

Но это далеко не полный ответ. Есть ли какие-то не субъективные, а объективные закономерности в выстраивании телевизионного рейтинга? Что отражается в рейтингах телепрограмм? Какую логику развития телевидения диктует мировой зритель? И чем эта логика определяется?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо от проблем «четвертой власти» в обществе — власти СМИ — обратиться к проблемам «пятой власти» — власти зрителя, то есть самого общества.

Очевидно, есть что-то в самой природе человека, что заставляет его, даже имея свободу выбора из множества каналов (в США уже свыше 100, а скоро так будет во всем мире), выбирать (а, значит, и оплачивать) прежде всего те самые передачи, на которые указывает американская (коммерческая по своей сущности) концепция телевидения.

Что же это за особенности человеческой природы? Только в самое последнее время, благодаря появлению нового научного подхода — тезаурусного, этот вопрос более или менее проясняется.

Культура не может быть осознана и вовлечена в человеческую деятельность в полном объеме, идет ли речь об индивидууме или об обществе. Тезаурус — это систематизированный свод представлений о той части мировой культуры, которую может освоить субъект. Тезаурус (как характеристика субъекта) строится не от общего к частному, а от своего к чужому. Свое выступает заместителем общего. Реальное общее встраивается в свое, занимая в структуре тезауруса место частного. Все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено (буквально: сделано своим). Может быть выстроена семиступенчатая «пирамида тезауруса», где с каждой ступенью, начиная снизу и двигаясь вверх, связывается определенный круг наиболее фундаментальных проблем, которые решает человек в течение жизни:

— 1 ступень: проблемы выживания;

— 2 ступень: проблемы распространения, рождения детей, семьи, секса;

— 3 ступень: проблемы власти, иерархической организации общества;

— 4 ступень: проблемы коммуникации на уровне чувств (любовь, дружба, ненависть, зависть и т. д.);

— 5 ступень: проблемы коммуникации на уровне диалога, высказывания, письма и т. д.;

— 6 ступень; проблемы теоретического осмысления действительности;

— 7 ступень; проблемы веры, интуиции, идеала, сверхсознания.

Первые 3 ступени ассоциируются с «низом», 4 ступени над ними — с «верхом». Высшие ступени редко осознаются. Это объясняет, почему в литературе, представляющей собой результат вполне осознанной деятельности и воплощающей в слове предпочтения и ожидания все более расширяющейся читательской массы, такое огромное место занимают проблемы выживания, жизни и смерти, самоубийства, насилия, войны, жестокости (что нашло отражение в жанре трагедии, популярнейшем у древних греков, в жанрах детектива, хоррора — литературы ужасов, триллера, популярнейших в массовой культуре XX века, и т. д.). Чуть менее популярны проблемы второй ступени. Литература, отражающая проблематику высших ступеней «пирамиды тезауруса», неизбежно ориентирована на «посвященных», на духовную элиту общества, но именно эта литература, обладающая мощным воспитывающим воздействием, развивающая духовные устремления человека, прежде всего становится классикой — и тем самым основным предметом изучения истории литературы как научной дисциплины. Но при этом классика вовсе не пренебрегает материалом нижних ступеней «пирамиды тезауруса» (как в «Эдипе-царе» Софокла, «Гамлете» Шекспира, «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского, «В поисках утраченного времени» Пруста), иначе духовно ориентированной литературе грозит участь остаться литературой тайных учений, эзотерической (для узкого круга посвященных).

В тезаурусной пирамиде видится объяснение ситуации, сложившейся в мировом телевидении. Если мы рассматриваем массовую аудиторию, она неизбежно предстанет в образе пирамиды:

проблемы «низа» будут волновать почти всех, тогда как проблемы «верха» — относительно немногих. И профессор будет захвачен детективом, потому что проблемы жизни и смерти, выживания, поднимаемые в этом жанре, стоят перед каждым, в то время как домохозяйка вряд ли будет смотреть передачу о полифонии Баха, скорее она переключит программу и выберет сериал о семейной жизни.

Характерно, что мировые рекорды просмотров телепередач, зафиксированные в книге Гиннесса, связаны с проблемами гибели и разрушения:

«Больше всего зрителей прямой трансляции. Похороны Дианы, принцессы Уэльской (1961–1997), 6 сентября 1997 г. наблюдали в прямом эфире 2,5 млрд. зрителей»;

«Больше всего зрителей документального фильма. 10 марта 2002 г. 39 млн. зрителей смотрели фильм студии Си-Би-Эс (США) “11 сентября”, посвященный атаке террористов на Америку»¹⁵.

Если мы примем действительность за «первую реальность», ее отражение в нашем сознании — за «вторую реальность», которая соответствует охарактеризованному выше понятию «тезаурус», то в телевещании (совместно с некоторыми другими феноменами, созданными человеком) следует видеть «третью реальность», по ряду параметров отличающуюся от первых двух и вместе с тем выступающую посредником между ними.

Прежде всего, определим, о каких особых феноменах идет речь. Первый из них по времени возникновения, очевидно, письменный текст (литература в самом расширительном смысле — всё, что написано, в соответствии с этимологией слова: *лат.* litteratura — от *лат.* littera — буква). Близкие к нему — нотная запись музыки, транскрипция устной речи, запись танцевальных движений, экспликация театральных мизансцен, картография, формулы и схемы процессов и явлений, иначе говоря, любая форма фиксации в знаках, требующая декодирования при переводе в образную форму. Наконец, к этим феноменам следует отнести последствия технических изобретений — радиовещание, телевидение, информацию в электронной форме, запись на киноплёнке, магнитную запись. Все

¹⁵ Гиннесс. Мировые рекорды 2004. — С. 179.

эти формы сохранения информации объединены общим свойством — виртуальностью (мнимым существованием). Книга существует как предмет, имеющий объем, вес и т. д. («первая реальность»), ее информация может отразиться в сознании читателя («вторая реальность»). Но существует и книга как «третья реальность» — это открытая и читаемая книга, исчезающая в этом своем качестве, как только ее закрывают (остаются лишь бумага, типографская краска и напечатанные ею значки). Точно так же радио, телевизор, компьютер как предметы («первая реальность») обретают свойства «третьей реальности», только будучи включенными (в отличие от книг и записей, существование их информации в этом случае не зависит от того, воспринимается ли она субъектом или нет), но они сразу исчезают в этом качестве, если нажать выключатель или если отключилось электричество, возникли поломки в аппаратуре и т. д.

Как было уже отмечено, феномены «третьей реальности» выполняют функцию «медиатора» — посредника между «первой» и «второй» реальностями. «Вторая реальность» имеет форму пирамиды тезауруса. «Третья реальность», собственно, аморфна, она отражает или какую-то сторону действительности, специализирована (например, нотная запись музыки), или касается всех ступеней тезауруса и лишь в совокупности отражает его общую структуру (современный мир книги, мир кино, Интернет). И только телевидение на сегодняшний день является прямым воплощением семиступенчатой пирамиды тезауруса, сужающейся кверху, как это представлено в субъективном образе мира, где субъектом выступает современное человечество. При этом если мир книги скорее может быть сопоставлен с долговременной памятью человека, то телевидение заняло нишу, соответствующую оперативной человеческой памяти: новость становится основной единицей телеинформации, а новость может прозвучать только один раз, при повторении это уже не новость. Хотя продукты телевидения хранятся в видеозаписи десятилетиями, но это уже именно видеозапись, а не эфирная передача, исчезающая сразу после того, как оказалась на телеэкране.

Отсюда вывод: у телевидения, если оно освобождено от цензуры и государственного управления, есть более веские причины иметь нынешнее содержание, чем коммерческая выгода магнатов или продуманная манипуляция общественным мнением в пользу тех или иных политических сил. Эти более глубинные причины, которые бизнесмены и политики лишь удачно используют, коренятся в структуре культурного тезауруса современного общества, и телевидение становится зеркалом культуры повседневности. Важно подчеркнуть, что сама культура повседневности как развитая форма «культуры одного дня», охватывающая огромную часть человечества, хотя и долго формировалась, заявила о себе в полный голос только в новейшей истории, определившись во многом (можно даже сказать — преимущественно) под влиянием телевидения как одного из факторов глобализации и утверждения постиндустриальной модели общества. Так выявляется основная задача телевидения в мировой культуре — отражение и конструирование культуры повседневности. Порожденная суживающейся кверху пирамидой тезауруса, телеинформация (которая, как было показано выше, принципиально отличается от объективно значимой культурной информации) изо дня в день укрепляет эту конфигурацию культуры повседневности, заново ее отражает — и еще более укрепляет.

Человечество устроено по этой модели, но отдельный человек или определенные (иногда очень большие) группы людей — вовсе не обязательно. Так, у индийских йогов «низ» пирамиды (проблемы смерти, секса, власти) очень слабо представлен, а «верх» (проблемы связи с космической энергией и т. д.) — очень широко, для них моделью будет перевернутая пирамида. Это крайняя альтернативная форма (есть и другие конфигурации), причем форма особенно неустойчивая, более гармоничной формой можно было бы считать куб, где всем ступеням тезауруса отведено достойное, но не преимущественное место.

Но если это так, если телевидение, обладающее способностью менять конфигурацию тезауруса, сможет преодолеть господство «американской модели», в которой люди рассматриваются как источник денег (связанных с «низом» пирамиды)) и поэтому в них закрепляются, даже усиливаются низовые потребности, имеющие в

современной культуре повседневности наиболее массовый характер, то можно и найти довольно большую аудиторию с весьма высокими душевными и духовными запросами, и в целом влиять на тезаурус масс, сужая его нижнюю часть и расширяя верхнюю.

Вот почему мы уверены в возможности решать задачу возрождения науки, образования, культуры в России через телевидение.

Современная культура встала перед серьезной проблемой, вызванной тем, что А. Тоффлер назвал «информационным взрывом»¹⁶. Бурное развитие науки, технические новшества, особенно глубоко затронувшие сферу передачи информации, другие аналогичные факторы не только формируют новую — информационную — цивилизацию, но и заставляют пересматривать представления о возможностях сознания человека в аспекте усвоения обрушившейся на него информации.

Эта проблема вышла на первый план в исследованиях, посвященных формированию информационной цивилизации, несколько оттеснив не менее важную проблему: к каким последствиям указанные тенденции приведут в социальной сфере? Каких изменений следует ожидать в действиях людей и их мотивации? А именно проблема мотивации представляется основной, когда речь идет о получении высшего образования (выборе его сферы, выборе его формы и т. д.).

Первое, на что следует обратить внимание: хотя наступление информационной цивилизации относится к глобальным процессам, на сегодняшний день оно охватывает не все слои населения Земли, а прежде всего народы высокоразвитых в технологическом отношении стран, а внутри этих стран — в основном население мегаполисов и крупных городов, в составе же городского населения — главным образом молодежь.

Второе наблюдение: выделенная социальная общность — молодежь мегаполисов — в особой мере включена в процесс преобразования чисто общественных отношений в отношения общественно-технологические. Поясним нашу мысль. На ранних стадиях человеческой истории люди одушевляли окружающий мир, обожествляли природу, умерших предков. Они общались с предметами,

¹⁶ См.: Тоффлер А. Третья волна / Пер. с англ. М., 1999.

природными явлениями, богами, демонами, душами покойных как с людьми, поэтому при рассмотрении общественных отношений невозможно не учитывать этого факта. М. Фуко в «Словах и вещах»¹⁷ превосходно раскрыл господство принципа Великой аналогии в старых обществах, он же показал, как произошло его падение в культуре Нового времени. И действительно, в XIX веке, когда О. Конт предложил понятие «социология», когда появились классические социологические концепции К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, ситуация решительно изменилась: в совокупности отношений человека и мира отчетливо выделились собственно социальные отношения. Люди (речь идет о цивилизации европейского образца) отчетливо разграничивали отношение к другим людям и, например, отношение к вещам (может быть, за исключением денег), к небесным силам и т. д. Сегодня ситуация иная: в мире вещей появились особые предметы, плод информационных технологий, с которыми люди (прежде всего молодые, не имеющие достаточно жизненного опыта, чтобы осуществлять принципиальную дифференциацию по принципу реальности) устанавливают поистине человеческие отношения. К телевизору относятся не так, как к мебели; к мобильному телефону не так, как к портфелю; к компьютеру не так, как к авторучке, кисти или книге. Социологическое наблюдение показало: старшее поколение больше дорожит сотовыми телефонами, телевизорами, компьютерами, чем молодежь, легко расстающаяся с ними — но именно как с вещами. Здесь важно отметить: выключенный телевизор или компьютер остается предметом мебели, но включенный — это нечто совершенно другое. Возникает «третья реальность» (помимо объективной и субъективной), и отношение к ней напоминает социальные отношения. Вот почему можно говорить о общественно-технологических отношениях как примете времени. Отсюда следует, что и понятие «социализация» ныне должно включать как важную составную часть адаптацию не только к социальным связям, но и к информационным посредникам, к этой самой «третьей реальности». Особенно это относится к людям, получающим высшее образование: оно не мыслится без ов-

¹⁷ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. СПб., 1994.

ладения компьютерными программами, Интернетом, в ряде случаев базируется на учебных телевизионных программах, следовательно, предполагает наличие у студента соответствующей техники, а значит, включения в социально-технологические отношения.

Совершенно вне сферы новых информационных технологий, а в рамках исследования польского крестьянства начала XX века¹⁸, а затем на материале, изложенном в книге «Непристроенная девушка» (1923), один из лидеров Чикагской социологической школы Уильям Айзек Томас сделал вывод, который Р. К. Мертон позже назвал «теоремой Томаса» и который звучит так: «Если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации реальны в своих последствиях». В современных работах исследователи все чаще обращаются к этой теореме для решения различных социологических проблем. Но в свете сказанного выше можно утверждать: теорема Томаса явно недооценивается. Новые реальности выдвигают ее в авангард социологических исследований. Далеко не случайно, что сам Томас не придавал ей особого значения, а сделал это Р. Мертон в 1982 г.: то, что было частным случаем в начале века, стало глобальной ситуацией в конце века благодаря развитию информационных технологий.

Очевидно, предстоит изучить и следствия из «теоремы Томаса», выводимые логически, но корректируемые жизненным опытом. Например, логически из теоремы выводится такое следствие: если люди определяют некоторые ситуации как нереальные, эти ситуации не приводят к реальным последствиям.

Но жизнь, история опровергают подобный вывод. Недоверие к информации, распространяемой телевидением, Интернетом и т. д. (а это знаковое явление современной жизни) не отменяет реальных событий. Поэтому формулировка нуждается в коррекции. Проведя анализ, мы выводим три основных следствия из «теоремы Томаса»:

(1) Если люди определяют некоторые ситуации как нереальные, эти ситуации не приводят к реальным последствиям или приводят к следствиям, соответствующим объективной реальности.

¹⁸ Thomas W., Znanietcki F. The Polish Peasant in Europe and America: V. 1–5. Chicago, 1918–1920.

(2) Если ситуации реальны в своих последствиях, это не обязательно значит, что люди определяют такие ситуации как реальные.

(3) Если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации по-разному реальны в своих последствиях.

Нетрудно заметить общее в трех следствиях из «теоремы Томаса»: все они разрушают установленную Томасом прочную связь между первой и второй частью формулы. Это и есть отражение новой ситуации: то, что находится в голове человека в виде представлений о реальности, перестало жестко координироваться с его поступками. Информация, обретая власть над миром, в то же время утрачивает свою власть в сфере деятельности человека. На первый план выходит характеристика механизмов сознания, а в них — малоизученная проблема доверия к информации, ключом к чему оказывается тезаурусная картина мира.

Наиболее значимым объектом такого исследования становится студенчество, в большей мере, чем многие другие слои населения, включенные в социально-технологические отношения.

Итак, реальность культуры в последнее время кардинально изменилась. Исследователи должны применительно к настоящему определиться, как определить новые культурные явления, среди которых на одном из первых мест оказывается телевидение (а также Интернет, сотовая связь и т. д.) в аспекте их отношения к определенному типу культуры. Существует две возможности: или сохранять старый термин «культура повседневности», вкладывая в него новое содержание (до недавнего времени мы так и поступали, что давало определенные результаты, но вызывало и дискуссии), или найти новый термин для новой реальности, находящейся в стадии становления. Только недавно этот второй путь стало возможным реализовать, после появления и осмысления концепции социального философа И. М. Ильинского, представленной в работе «Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего»¹⁹. Происходящее, взамен повседневности, и есть тот термин, на базе которого можно построить концепцию «культуры

¹⁹ Ильинский И. М. Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего. М., 2006.

Происходящего» взамен даже и обновленной, согласованной с изменившимися реальностями, концепции «культуры повседневности».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Луков Вал. А., Луков Вл. А., Захаров Н. В.</i> Проблема ценности как концепта и ценностные ориентации российской молодежи.....	3
<i>Кузнецова Т. Ф.</i> Культура и время.....	18
<i>Драгалина-Черная Е. Г.</i> «Формальные искусства»: от тривия к инженерии знаний.....	24
<i>Протоиерей Павел Карташев.</i> Заметки о слове и смысле.....	31
<i>Шитов С. С.</i> Три революции телевидения в истории новой России.....	41
<i>Луков Вл. А., Луков М. В., Луков А. В.</i> Телевидение и культура Происходящего.....	45

Сведения об авторах:

Драгалина-Черная Елена Григорьевна — доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания философского факультета Государственного университета — Высшей школы экономики.

Захаров Николай Владимирович — доктор философии (PhD), ученый секретарь — ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований МосГУ, академик Международной Академии наук (МАН, IAS, Инсбрук).

Кузнецова Татьяна Федоровна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Московского педагогического государственного университета, академик Международной академии наук педагогического образования (МАНПО).

Луков Андрей Владимирович — аспирант кафедры социологии МосГУ, режиссер телеканала «Первый».

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований МосГУ — заместитель ректора МосГУ по научно-исследовательской работе, академик-секретарь РС МАН (IAS, Инсбрук), академик МАНПО, почетный профессор МосГУ.

Луков Владимир Андреевич — доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра теории и истории культуры Института гуманитарных исследований МосГУ, заслуженный деятель науки РФ, академик МАН (IAS, Инсбрук), МАНПО.

Луков Михаил Владимирович — кандидат философских наук, доцент Гуманитарного института телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина.

Отец Павел Карташев, священник.

Шитов Сергей Сергеевич — аспирант кафедры социологии МосГУ, продюсер телеканала «Культура».

Научное издание

ТЕЗАУРУСНЫЙ АНАЛИЗ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сборник научных трудов

Выпуск 8

Под общей редакцией профессора Вл. А. Лукова

Издательство Московского гуманитарного университета

Печатно-множительное бюро

Подписано в печать 3.12.2006 г. Формат 60X84 1/16

Усл. печ. л. 4,7

Тираж 100 Заказ № 980

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1